

МЕЛЬНИКОВА
Ирина

вера, надежда, любовь

Роман с
ДЖУЛЬЕТТОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭКСМО»

Ирина Мельникова
Роман с Джульеттой

«ЭКСМО»

Мельникова И. А.

Роман с Джульеттой / И. А. Мельникова — «Эксмо»,

ISBN 978-5-699-21776-2

Известная актриса Алина Заблоцкая поспешно сбежала из столицы после гибели мужа. Оказывается, он участвовал в ограблении известного антиквара и утаил от подельников украденное кольцо. Теперь его дружки охотятся за Алиной, думая, что драгоценность у нее... Актриса укрылась в небольшом провинциальном городке у родственницы. Найти работу в театре не получилось, и Алина заменила подвернувшую ногу тетку, которая только устроилась домработницей к известному всему городу бизнесмену Игорю Луганцеву. Чтобы не потерять место, пришлось Алине вспомнить о своей основной профессии и немного перевоплотиться. Но удастся ли ей избежать разоблачения, ведь хозяин дома – молодой проницательный мужчина?..

ISBN 978-5-699-21776-2

© Мельникова И. А.

© Эксмо

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	27
Глава 7	32
Глава 8	36
Глава 9	42
Глава 10	47
Глава 11	52
Глава 12	55
Глава 13	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Ирина Мельникова

Роман с Джульеттой

Людмиле Полежаевой с благодарностью за дружбу и строгую критику
Автор

Часть I

Глава 1

Несмотря на преклонный возраст, ее машина успешно преодолевала километр за километром на пути к поставленной цели. Конечно, будь Алина одна, она уже к вечеру добралась бы до Староковровска, а так пришлось заночевать в гостинице областного центра и последние триста километров пилить в дождь, который навалился с утра и лил, лил, не переставая, почти семь часов кряду.

Она посмотрела на часы. Двенадцать, а они позавтракали в девять. И тут же поймала в зеркале заднего вида взгляд дочери.

– Мама, дай чего-нибудь пожевать!

И близнецы тотчас заныли:

– Чипсов, мама! Пить! Пепси!

– Господи! – вздохнула она. – И в кого ж вы такие прожорливые?

Но ее вопрос остался без ответа. Сыновья уже забыли о чипсах и подрались, не поделив игрушку. Полина принялась их разнимать, отчего оба тут же зашлись в плаче. И Алине пришлось увещевать старшую дочь, которая на вполне справедливые замечания матери надулась:

– Разбирайся с ними сама! У меня они уже в печенках сидят!

– Если бы ты умела водить машину, я бы не просила тебя присмотреть за мальчиками, – мягко сказала Алина и улыбнулась в зеркало, тщетно пытаясь поймать ответный взгляд дочери. Она понимала: Полине в последнее время досталось ничуть не меньше, чем ей. И всячески оберегала дочь от новых потрясений. Но одного она не могла себе позволить – оставить без внимания близнецов. Сыновьям недавно исполнилось пять лет, они вступили в самый школьный возраст, и забот с ними хватало.

Вчера они то и дело останавливались в придорожных кафе или на веселых лесных лужайках, где разводили костер, жарили сосиски на шампурах, поглощали бутерброды с ветчиной, соки и в меру мороженое, чтобы не застудить горло. Поэтому их путешествие больше смахивало на пикник. К тому Алина и стремилась, чтобы изгнать из памяти детей страхи, которые им пришлось пережить в последние два месяца после гибели Степана.

Но сегодняшней дождь нарушил все их планы. И путешествие, когда за окном невозможно ничего разглядеть из-за обильных потоков воды, превратилось в уныло-бесконечное времяпрепровождение. Тяжелее всего приходилось дочери. Полина была разумной и послушной девочкой, и Алина радовалась, что у них сложились теплые, доверительные отношения. Но она постоянно чувствовала себя виноватой, что взвалила на дочь часть своих забот. С утра Степку и Никитку удалось увлечь сказками из толстой книжки. Но их терпения хватило на полчаса. Затем они снова стали возиться, толкаться, делить игрушки, жаловаться друг на друга и громко рыдать, если Полина пыталась их утихомирить.

Обычно, чтобы избежать склок, Алина покупала им одинаковые игрушки. Но, в конце концов, у Степана все машинки оказывались без колес, детали «Лего» терялись, мячи укатывались в неизвестном направлении, а у Никиты, наоборот, все было в порядке. И более загребущие и сильные руки Степана изымали у брата все, чего в этот момент ему страстно желалось. В результате оба поднимали дикий рев, а то затевали и вовсе неприличную драку. И Алине приходилось останавливать машину, чтобы навести порядок в семейных рядах.

Дорога впереди была пустынной, и только время от времени навстречу с шумом проносились машины с включенными из-за дождя фарами. «Дворники» почти не справлялись с обильными потоками воды, стекавшими по лобовому стеклу. Алина слегка пригнула голову, чтобы разглядеть красное кирпичное здание, возникшее на обочине среди глухого леса. На самом ли деле это придорожное кафе, которое обозначено на карте, или что-то другое, и кафе они просто-напросто проскочили, не заметив...

– Сейчас, сейчас, – сказала она, чтобы прекратить обиженный скулеж за своей спиной. Видно, Полина не выдержала и по-своему укротила братишку. Алина старалась не думать, каким образом. Теперь им было не по средствам содержать няньку. И Алина мирилась с этим, понимая, что ссора с дочерью внесет окончательный разлад в их семью.

Конечно, курить в машине с закрытыми окнами плохо само по себе, но трижды недопустимо, если в ней трое детей. А курить хотелось чертовски сильно, и, чтобы заглушить это желание, Алина вернулась в мыслях к событиям, которые вынудили ее спешно покинуть столицу...

И ведь знала она, что подслушивать чужие разговоры неприлично, а с другой стороны, не совсем приятно – вдруг услышишь о себе нелестные слова. Алина убедилась в этом на собственном опыте, но это спасло жизнь ей и ее детям...

Это случилось два дня назад на вечеринке, на одном из обычных для легкомысленной части Москвы сборищ. После гибели Степана и связанных с этим неприятностей Алина старалась лишней раз не высовываться из дома. Дети, театр, домашние обязанности, магазины – вот и весь круг, в который замкнулась ее жизнь. Но ее подруга Валерия, женщина пробивная и напористая, отказывалась принимать отречение Алины от былых удовольствий и всякими правдами и неправдами пыталась вытащить ее в свет.

Безусловно, Алина догадывалась об истинных причинах ее настойчивости. Валерия работала менеджером в фирме по производству кухонной мебели, но считала себя натурой богемной, а присутствие рядом Алины на подобных тусовках давало ей повод почувствовать себя значимым человеком в искусстве.

На этот раз она позвонила по телефону и, задыхаясь от восторга, сообщила, что вечером намечается грандиозный сабантуйчик. И буквально силком заставила Алину привести себя в порядок, принарядиться, подкраситься. И они поехали...

Правда, пришлось долго плутать по узким улочкам и переулкам старой части Москвы, но они все-таки нашли облупившийся особняк с наполовину ушедшим в землю крыльцом и перекошенной дверью в подъезд.

Хозяин, которого все приглашенные называли Эдиком, оказался типичным представителем золотой молодежи, но только сорокалетней давности. Этаким хипповатый старикан с седыми грязными лохмами до плеч, неопрятной бородкой, в повидавших многое джинсах вещал что-то о новых течениях в джазе и, тыча очередному собеседнику пальцем в грудь, поминал Розмари Клуни и Хэрби Хэнкока.¹ Как поняла Алина, большинству гостей эти имена мало что говорили, все ждали, когда подадут выпивку и можно будет расслабиться.

¹ Звезды джаза 50—60-х годов.

Алина так и осталась в неведении о причинах сборища, но не слишком от этого страдала. Все разговоры были пустой болтовней, которая давила на ушные перепонки, не вызывая ни радости, ни огорчения.

И в этом отличительное свойство подобных вечеринок: наутро прочно забываешь, по какому поводу собирались, и с трудом вспоминаешь лица тех, кто суетился вокруг тебя на протяжении нескольких часов, а то и до утра...

Гости один за другим оставляли свои куртки, пальто, плащи в спальне, потому что вешалка в прихожей болталась на одном гвозде. Переступив порог, Алина тут же попала в круговорот, в котором изредка попадались знакомые физиономии. Одних она с трудом вспомнила, с другими кивком поздоровалась, с третьими... От третьих она отворачивалась, потому что они были ей неприятны...

Помимо спальни, в квартире были еще две комнаты, и гости дрейфовали по ним со стаканами теплого спиртного, пытаясь поддерживать что-то отдаленно смахивающее на светскую болтовню. Поначалу Алина пыталась уловить смысл дискуссий, которые вспыхивали и угасали в разных концах квартиры, но вскоре ей стало скучно: все, что здесь пытались обсуждать, оказалось банальным трепом, столь же пустым, как и стаканы в руках приглашенных.

К тому же на лицах у большинства присутствующих просматривалось явное разочарование. Вечер только начался, а спиртное уже закончилось. Зашуршали купюры – нашелся активист подобного толка и занялся сбором средств на покупку алкоголя. Затем полчаса его ждали, изводясь от нетерпения и жажды. Наконец гонец в сопровождении еще одного добровольца появился в прихожей, и через некоторое время дискуссии возобновились с удвоенной силой.

Одно было удовольствие: здесь разрешалось курить. Сизые клубы дыма забивали легкие, от монотонной, прерываемой криками самых отчаянных спорщиков болтовни у нее разболелась голова. В кухне Алина обнаружила дверь, ведущую на крошечный балкон, и выходила на него пару раз покурить, пока его не оккупировала какая-то парочка.

Ей было скучно, а Валерия, кажется, вполне освоилась в этой пестрой компании и даже подхватила себе кавалера, угрюмого молодого человека, который разворотом плеч и короткой стрижкой совсем не вписывался в образ изможденной творческими исканиями личности. Но Валерия повисла у него на руке, что-то жарко шептала ему в ухо и, томно закатывая глаза, держала на большом расстоянии от подруги, значит, имела на нового знакомого свои виды.

Впрочем, не составляло труда догадаться, какие именно. От этих мыслей Алине стало не просто скучно, а как-то сиротливо. Одно только удерживало ее на вечеринке: возможность без помех вернуться домой. Но если Валерии удастся закадрить этого парня, домой придется добираться на такси...

Тут у нее закончились сигареты, но в куртке была еще одна пачка, и Алина направилась в спальню. Кто-то убрал одежду с кровати и свалил ее в кучу на пол за огромной ширмой, расписанной с большой претензией на авангард. Она попыталась в этой свалке отыскать свою куртку, и в этот момент кто-то вошел в комнату. Погас свет, и Алина застыла, присев на корточки, потому что услышала голос Валерии.

Та захихикала:

– Сюда никто не войдет! Подумают, что кто-то трахается...

Мужской голос ответил:

– Святая простота! Скотство здесь не в новинку! Но пока никто сюда не приперся, можно поговорить.

– Сначала бабки! – сказала Валерия. – И включи торшер, а то я ничего не вижу.

Свет от торшера был крайне слаб, так как поверх оплавленного абажура громоздилась чья-то потерявшая форму шляпа. Судя по возрасту, она тоже принадлежала хозяину квартиры. Но Валерии этого света вполне хватило. Алина отчетливо услышала шуршание купюр, и ее передернуло от отвращения. Надо же так опуститься? Чего Валерии не хватает, чтобы прода-

вать себя за деньги? Ей стало не по себе. С кем ее свела судьба? Несмотря на вздорный и легкомысленный характер, Валерия все-таки осталась ее единственной подругой и очень поддержала Алину, когда не стало Степана...

– Все в порядке? – спросил мужчина.

– Как в сберкассе! – ответила Валерия. – Только быстрее, а то Алина бросится нас искать. Я уже заметила, что вечеринка ей осточертела! Сейчас начнет скулить, чтобы отвезла ее домой. Дети, то да се! Навязалась на мою голову!

Алина похолодела. Она не предполагала, что Валерия может отзываться о ней с презрением. Может, перед мужчиной набивает себе цену?

Поняв, чем эта парочка собирается заниматься, да услышав вдобавок столь не лестное мнение о себе, Алина определенно не могла показаться из-за ширмы и затаилась в нелепой, скрюченной позе, боясь выдать себя неловким движением.

– Попытайся задержать ее до утра! – сказал мужчина. – Дети дома одни или с нянькой?

– Одни. С Полиной, – сообщила ее лучшая подруга. – Но до утра Алина не вытерпит. Самое позднее до часу ночи.

– Плохо! – строго сказал мужчина. – Во дворе еще полно шпаны, да два-три придурка завсегда с собаками гуляют, могут засечь...

– Консьержке я заплатила, она исчезнет на полчаса...

– Это дела не решает, – уже более сердито произнес мужчина. – До утра она не должна появиться. Чтобы ошмонать квартиру, нам нужно часа три-четыре.

– А ты уверен, что *она* спрятано в ее квартире?

– Все тип-топ! Не суетись! – засмеялся мужчина. – У него в запасе было не больше десяти минут. В квартире есть тайник. И мы его найдем. Только смотри, если она появится раньше, вторую половину не получишь.

Валерия захихикала:

– Твои парни напрудят в штаны от испуга? Так ее ж соплей перешибешь!

– Это не твоего ума дело! Нам нужно, чтобы никто не знал, что мы побывали в квартире. Днем не получится. Она ставит квартиру на сигнализацию.

– А если дети проснутся? – спросила Валерия.

– Это тоже не твоя забота, – отрезал мужчина. – Тебе заплатили деньги, чтобы ты увезла ее из дома. А теперь проваливай и смотри, в случае чего трахнут тебя всем гамузом. И учти, абсолютно бесплатно!

– Дурак! – Валерия, похоже, надула губы. – Я к тебе со всей душой...

– Ну а я к тебе всем передом! – неожиданно хохотнул мужчина и приказал: – Разворачивайся!

Снова погас свет. С обмершим от ужаса сердцем Алина слушала, как они возятся в темноте. Мужчина сопел, кричал, что-то бормотал сквозь зубы, Валерия приглушенно вскрикивала и громко дышала. Все это было омерзительно, но Алина пребывала в шоке от услышанного. Подруга, которая осталась единственной, кому она доверяла, предала ее. Алина ничего не понимала, но знала одно, что ей надо немедленно убираться отсюда и мчаться домой...

– Кафе, мама, это кафе, – подала голос Полина, и Алина с облегчением перевела свои мысли в другое русло.

Глава 2

Они миновали с пяток вытянувшихся вдоль дороги дальнобойных фур и свернули на пандус, по которому заехали на автостоянку возле кафе. Сквозь потоки дождя Алина разглядела несколько машин. «Ауди», два «Опеля» и три крутых внедорожника. Ее «Жигули» казались жалкой рухлядью на их фоне. Но ее больше заботило не то, кто и что подумает об ее машине. Требовалось поставить ее так, чтобы сократить расстояние до кафе и не позволить детям вымокнуть. Она велела им натянуть капюшоны на голову, а Полине – прихватить зонтик.

– Полина! Живее! – крикнула Алина, заметив, что дочь замешкалась на крыльце, пытаясь справиться с зонтиком, который порывом ветра вывернуло наружу. Толкнув близнецов в двери, она отобрала у дочери зонтик и, стряхнув воду, сложила его. И только тогда вошла вместе с Полиной в кафе.

Видно, по причине дождливой погоды здесь скопилась масса народа, и, как ни печально, все столики оказались заняты. Три из них, сдвинутые вместе, оккупировала шумная компания крепких молодых мужчин, явно дальнобойщиков. Они вели себя по-хозяйски, шумно и бесцеремонно, не обращая внимания на остальную публику, торопливо поглощавшую свои порции пельменей и шашлыков.

Алина беспомощно огляделась. В зале было полутемно и сильно накурено, воняло пивом и крепким мужским потом. Близнецы притихли и, прижавшись к матери, не теребили, как это бывало, ее за подол куртки, требуя немедленной кормежки.

– Мама, пойдем отсюда! – тихо сказала Полина. – Мне здесь не нравится...

– Присмотри за братьями, – велела Алина, – я все-таки попробую что-нибудь раздобыть.

Тут из-за спин толпившихся у стойки посетителей показалась средних лет женщина, худенькая, большеглазая, в белом кружевном переднике поверх спортивного костюма.

– Ой, кто это к нам пожаловал? – Она склонилась к близнецам. – Какие славные карапузики! Близняшки? – И снизу вверх посмотрела на Алину. – Проголодались небось?

Алина неловко улыбнулась.

– Хотелось бы пообедать, но мест нет, а мы не можем долго ждать.

– Да найдем вам места! Не беспокойтесь! – произнесла певуче официантка. – Я вас на второй этаж провожу. Туда мы эту братию не пускаем. – Она пренебрежительно махнула рукой в сторону дальнобойщиков. И, расплывшись в улыбке, прижала мальчишек к себе. – Ишь, нахохлились, как воробушки! Пойдемте уже. – И, увлекая близнецов за собой, направилась в глубь зала, предварительно заговорщицки подмигнув Алине: – Не тушуйся! Я тут всех знаю как облупленных! Никто вас не тронет!

Алина переглянулась с дочерью, скорчила забавную гримасу и пожалала плечами. Полина улыбнулась в ответ, и они двинулись вслед за официанткой.

Ажурная чугунная лестница вывела их на второй этаж. Здесь посетителей было меньше, но пустовал всего один столик в углу, к нему и подвела их официантка.

– Присаживайтесь, – сказала она, – а я вас вкусненьким накормлю. – И погладила ближнего к ней Степку по голове. – Надо же, на одно лицо пацанята. – И посмотрела на Алину. – Не боязно одной по такой погоде разъезжать?

– А у нас папки нет, – доложил Степка. – Его из автомата убили!

Впервые Алина пожалела, что у сына такой звонкий голос. Сидевшие за соседним столом мужчины разом обернулись и уставились на них.

«А чтоб тебя!» – такого Алина не ожидала.

– Прекрати болтать! – строго приказала она сыну и мило улыбнулась официантке, отметив краем глаза, что мужчины смерили их взглядами и отвернулись. – Я бы хотела заказать что-нибудь!

– Да, да, – засуетилась официантка и подала им папочку с меню. – Выбирайте и не бойтесь, у нас хорошо готовят.

Надо отдать ей должное, официантка даже глазом не моргнула на Степкино заявление и, приняв заказ, тут же удалилась.

Алина шепотом сделала малышам подобающее случаю внушение. Но они слушали ее вполуха, болтали ногами, а потом враз потянулись к набору для специй. Полина едва успела его перехватить и, придвинув к себе, шлепнула мальчишек по рукам.

– Мама, она дерется! – сварливо сообщил Степка и попытался пнуть сестру, но промахнулся и чуть не слетел со стула.

Алина ревизовала в это время содержимое своего кошелька и лишь отмахнулась.

– Прекратите ссориться. Как вам не стыдно?

– Мама! – теперь настал черед Никиты. Все это время он сидел молча, но тоже, видно, решил получить свою порцию материнского внимания. – Я писать хочу! – произнес он капризно.

– Потерпи, сынок! – ласково сказала Алина. – Туалет здесь на улице. А там дождь. Мы и так вымокли.

– Я тоже хочу! – живо присоединился к нему Степан. – В туалет! – предыдущее внушение матери о том, что не стоит кричать во все горло, было уже прочно забыто.

И о том, что ему приспичило, тут же стало известно всем сидевшим за столиками на втором этаже кафе. Конечно, в этом не было ничего предосудительного. Дети есть дети! Но Алине не понравилось, что на них обращают внимание. К тому же Полина покраснела и умоляюще посмотрела на мать.

– Мама, пойдем отсюда! Я боюсь!

– Чего ты боишься?

– Эти дядьки... – шепотом произнесла Полина и глазами показала на сидевших за столиками мужчин. – Они похожи на тех, кто к нам приходил...

– И что? – так же шепотом ответила Алина. – Это совсем другие дядьки. Те остались в Москве...

– Все равно боюсь. – Губы дочери капризно скривились. – Купи чего-нибудь, поедем в машине.

– Нельзя всухомятку, – строго сказала Алина. – И выбрось из головы эти глупости. Тут никому нет дела до нас.

– Мама, я больше не могу! – Никита соскочил со стула. – Я писать хочу!

– В туалет! – Степка последовал примеру брата.

– О боже! – Алина беспомощно посмотрела на дочь. – Полюшка, посиди, прими заказ, а я сбегаю с мальчишками на улицу.

– Попросите, чтобы вам открыли служебный туалет, – неожиданно сказал мужчина, сидевший к ним спиной за соседним столиком. Он даже не взглянул в их сторону, лишь слегка повернул голову, чтобы стало понятно, к кому он обращается.

– Что? – растерялась Алина.

– На первом этаже есть служебный туалет, – с досадой буркнул их сосед. Вероятно, вторая фраза в его планы не входила.

– Спасибо! – пролепетала Алина, но ее, похоже, не расслышали.

К счастью, появилась официантка с огромным подносом, уставленным тарелками, кажется, не с пельменями, которые она заказала, но, с чем именно, Алина не успела рассмотреть, потому что близнецы уже изнывали от нетерпения. Узнав, в чем проблема, официантка снова расплылась в улыбке.

– Сейчас, сейчас все уладим! – И, заметив, что Алина вознамерилась подняться, остановила ее движением ладони: – А ты сиди! Я сама с ними управлюсь!

– Но мне неудобно, – запротестовала Алина. – Я...

– Да чего там неудобно? – удивилась официантка. – Я что, не мать? Четверых вырастила. Теперь уже внуки пошли... – И посмотрела на близнецов. – Ну, что, воробушки, поскакали?

– Поскакали! – хором отозвались близнецы, и когда официантка взяла их за руки, и впрямь направились к лестнице вприпрыжку.

– Я с ними! – торопливо сказала Полина. – Я тоже хочу!

– Иди! – согласилась Алина. – И присмотри за ребятами!

– Присмотрю, – кивнула Полина и чуть ли не бегом миновала расстояние до лестницы.

Алина проводила ее взглядом. Полина хотя и ворчала, и жаловалась на братьев, но тревожилась за них не меньше матери. И хорошо, что ей тоже потребовалось в туалет, так Алине будет спокойнее, раньше она никогда не доверяла детей незнакомым людям. И старалась находиться с ними все время, если не была занята в театре. Позавчерашняя вечеринка стала редким исключением, но как она благодарила бога, что позволила Валерии себя уговорить. Еще неизвестно, как повернулись бы события, останься она в тот вечер дома...

Последние двое суток она жила на сплошном адреналине. И Москву покидала в панике, только сейчас осознав, что в спешке забыла многие необходимые для жизни вещи. Но удача в лице доброжелательной официантки преподнесла ей неожиданный подарок. Ей вдруг выпало минут десять провести в относительной тишине, но она все равно оставалась в напряжении. Ей, как и Полине, не понравились сидевшие за соседними столиками мужчины. Возможно, она не обратила бы на них внимания, если бы не слова Полины. Дочь сидела лицом к залу, Алина – спиной и теперь на всякий случай пересела на ее место.

Она сняла с себя влажную куртку и повесила на спинку стула, затем подумала и сняла с головы шапочку. Вряд ли кому в этой дыре взбредет в голову узнать ее, тем более волосы, свою красу и гордость, она стянула резинкой в пучок, чтобы не слишком привлекать внимание. Почему-то мужчины первым делом клевали на эту буйную темно-каштановую копну, а затем уже замечали глаза, зеленые, яркие, они сияли, когда Алина была счастлива, и темнели, когда переживала неприятности или сердилась. Говорят, рыжий цвет волос – доминирующий фактор, который всегда передается по наследству, но ее дети походили на своих отцов. Полина – на актера Леонтия Молчанова – первого мужа Алины, за которого она выскочила на третьем курсе Щепки, – а близнецы на второго – бизнесмена Степана Круглова, владевшего в Москве сетью супермаркетов...

Первым делом она осмотрела стол и приятно удивилась. Для Степки с Никитой официантка принесла молочную кашу, для нее и Полины абсолютно домашний супчик с фрикадельками и сочные отбивные... Это тебе не надоевшие, неизвестно из чего приготовленные пельмени, излюбленное блюдо придорожных забегаловок...

Правда, было абсолютно непонятно, почему официантка выделила их из множества посетителей, ну, выделила и ладно! И слава богу! Алина бросила быстрый взгляд в сторону мужчин, которые чем-то напугали ее дочь. Тот, что подсказал им про туалет, был широкоплечим и высоким, с седой головой. Шея, по крайней мере, та ее часть, что выглядывала из-под воротника темной кожаной куртки, казалась почти черной от загара. Его спутники, мужчины лет тридцати пяти – сорока, смотрелись тоже вполне солидно. На первый взгляд руководители или бизнесмены довольно высокого уровня. Все в темных костюмах, дорогих рубашках и галстуках.

Алина взглянула на их ноги. Что ж, она не ошиблась! По обуви можно определить доход ее владельца. А доходы ее соседей, вероятно, превышали содержимое ее кошелек на цифру со многими нулями.

Вся эта компания занимала три столика. Скорее всего, именно им принадлежала вереница дорогих машин рядом с кафе, между которыми она втиснула свои «Жигули». Но она так и не сумела понять, почему Полина испугалась этих мужчин. В отличие от тех, что посетили их ночью на даче за два дня до убийства Степана, эти вели себя оживленно, смеялись,

пили коньяк и обсуждали, судя по долетавшим до нее фразам, какие-то производственные вопросы. Это ее успокоило. В бандитский лексикон вряд ли входят такие понятия, как «социалка», «очистные сооружения», «реконструкция и модернизация производства» или «задолженность по зарплате»...

На этом ее интерес к компании солидных мужиков, наверное, и иссяк бы, если бы один из них не привлек ее внимание. Судя по всему, именно вокруг него все и вертелось. Он был здесь старшим по должности, руководителем, директором или главой района, не суть важно, но к нему постоянно обращались, спрашивали его мнение, пили за его здоровье, а он ничего не делал для того, чтобы обозначить свое главенство. Но было что-то такое, почти необъяснимое, в его красивом породистом лице, холодном взгляде серых глаз, в изгибе губ, отчего Алине стало не по себе.

И она поняла почему. В отличие от окружавших его людей этот человек не улыбался. И тогда она другими глазами посмотрела на его окружение. Похоже, за суетой и показной веселостью они пытались скрыть, что чувствуют себя не в своей тарелке. Вероятно, Полина испугалась именно этого мрачного господина, потому что люди, перерывшие их дачу вверх дном, тоже не улыбались...

– Мама! Мама! – звонкие крики отвлекли ее от созерцания Мистера Икса, как мысленно она обозначила для себя господина с холодным взглядом. И хотя он был без маски, но чем это не маска: застывшая, как у зомби, физиономия? Никаких человеческих чувств, хотя то, как его приближенные изощрались перед ним в остроумии, заслуживало отдельного разговора! Какие бодрые речи они произносили, чуть ли не здравицы провозглашали, а он только кривил губы. Или эта гримаса на самом деле своеобразная защита от чересчур усердного лакейства подчиненных?

– Мама! Кушать! – Близнецы с грохотом отодвинули стулья и с грохотом же на них устроились.

И Алина могла дать голову на отсечение, что именно эти звуки по-настоящему привлекли внимание Мистера Икса. Глаза его сузились, и он что-то быстро сказал мужчине с седой головой. Алина срочно перевела взгляд на детей.

– Руки помыли? – строго спросила она.

– Помыли! – дружно завопили близнецы и повертели у матери под носом чистыми ладошками. Но тут заметили кашу и столь же дружно заканючили: – Каша! Не хотим кашу! Хотим пельменей!

– Никаких пельменей! – отрезала Алина. – Пельмени для взрослых. А вам положено есть кашу, и вы съедите ее до последней крошки!

– Мама! Ты зачем пересела на мое место? – вклинилась в спор Полина. – Мне здесь не нравится. – Она смерила мать обвиняющим взглядом. – Всегда ты выбираешь лучшее место.

И тут Алина вспыхнула.

– Немедленно сядь и принимайся за суп! – прошипела она. – Я села на твое место, потому что ты испугалась этих дядек! Будешь сидеть к ним спиной! И прекрати заявлять, что тебе не нравится это, не нравится то! Мне тоже многое не нравится, но я молчу и тебе советую помолчать!

Полина с недовольным видом плюхнулась на стул, взялась за ложку и стала возить ею в тарелке с супом.

– Пока все не съедите, никто не сдвинется с места! – это замечание относилось уже ко всему семейству.

И дети притихли. Они знали, мать редко выходит из себя, но если уж вышла, то в эти моменты с ней лучше не спорить.

С обиженным видом дети принялись за еду, а Алина облегченно вздохнула. Кажется, ростки конфликта вырваны с корнями. Она подняла глаза и невольно снова посмотрела в сто-

рону шумной компании «начальников», как она мысленно их окрестила. И поймала столь же мгновенный взгляд Мистера Икса. Алина не сразу поняла, почему ей стало нехорошо. Что в этом такого? Посмотрел и тотчас перевел глаза на своего собеседника. Неприятный тип, которого она видит первый и наверняка последний раз в жизни. И все же ощущение от этого взгляда было... Она поначалу никак не могла найти ему определение. А потом поняла. Он посмотрел на нее с брезгливой жалостью. Так смотрят на нищих в метро, побирушек у церкви, на бомжей, роющихся в мусорных баках...

Он ее презирал. Презирал за то, как она выглядит, презирал за ораву детей, за то, что они, по его мнению, плохо воспитаны, за то, что поглощают копеечные блюда... И Алина вдруг почувствовала, что навсегда переступила ту грань, за которой остались успех, благополучие, достаток, толпы восторженных поклонников и восхищение блестящих мужчин. Теперь ее удел – нищета, борьба за каждую копейку и подобные только что замеченному взгляды. Ей вдруг захотелось завывать во весь голос. Но она лишь опустила глаза и принялась за остывший уже суп.

Глава 3

Ливень прекратился, но из низко нависших серых туч сыпалась на землю отвратительная морось, к тому же похолодало, и Алина вздохнула с облегчением, когда ее семейство наконец погрузилось в машину. Но мотор, как нарочно, долго не заводился. И раньше так бывало, когда нужно было протащить «Жигули» несколько десятков метров, чтобы мотор заработал. Как на грех, сейчас не нашлось никого, к кому она могла бы безбоязненно обратиться за помощью. В этом случае лучше всего подходят одинокие водители-мужчины. Но все, кто в это время отчаливал от кафе, как назло, пребывали в компании грузных сердитых теток, которые в любой молодой женщине видят потенциальную угрозу своему семейному благополучию.

Алина вздохнула. Следовало что-то предпринять... Быть может, попросить официантку найти доброжелательного и одинокого владельца автомобиля? Дети за ее спиной притихли. Алина оглянулась. Близнецы, привалившись с двух сторон к сестре, сладко посапывали, да и Полина, кажется, тоже задремала...

Алина открыла дверцу и уже ступила одной ногой на асфальт, но в этот момент из кафе вывалилась оживленная группа мужчин. Она сразу заметила среди них того, с седой головой. Он оказался весьма симпатичным мужчиной, лет сорока с лишком. К нему она, наверно, могла бы обратиться за помощью, будь он один. Такого типа мужчины всегда вызывали у нее доверие, но сейчас рядом с ним находился Мистер Икс, даже ростом он был выше всех, и выражение его лица совсем не изменилось. Он стоял на верхней ступеньке в застегнутом до последней пуговицы кожаном пальто. А крепкий парень, видимо, охранник, держал над ним большой черный зонт.

Алина хмыкнула. *Ну, просто деваться некуда, какая важная персона!* Она захлопнула дверцу, решив переждать, пока эта компания покинет стоянку.

Заработали моторы автомобилей. В отличие от ее драндулета они завелись мгновенно. Алина проследила взглядом за Мистером Иксом и седым мужчиной. Они сели в самый большой джип, но в отличие от своего эскорта не суетились и расстояние до машин преодолели не спеша, а зонтик охранник придерживал только над Мистером Иксом.

– Отвалите уже скорее! – раздраженно прошептала Алина и добавила, воспользовавшись тем, что дети ее не слышат: – Черт бы вас побрал!

И, словно почувствовав ее нетерпение, вся процессия, один автомобиль за другим, торжественно снялась с места. Джип неприятного ей господина оказался третьим в этой колонне, что еще раз подтвердило ее догадку: Мистер Икс занимал высокое положение по сравнению с сопровождавшей его шушерой. Правда, статус седого мужчины все-таки был выше, чем у остальных, если ему позволено ехать в одной машине с хозяином. Она наконец определилась с положением Мистера Икса в обществе. Именно таких типов по-лакейски угодливо величают *Хозяином*. Он и вел себя соответствующе, так, как ведет себя владетельный господин со своими холопами.

Конечно, Алина понимала, что уничижительные характеристики – результат того взгляда, который она поймала на себе в кафе. Возможно, ее сарказм ни на чем не основан, но так ей было легче пережить то пренебрежение, которое промелькнуло в его глазах. В другое время и в другом месте этот Мистер Икс наверняка показался бы ей даже симпатичным... Но сейчас она почти ненавидела его. И только когда машины скрылись из вида, вспомнила, по какой причине ее «Жигули» до сих пор не сдвинулись с места.

Она на всякий случай снова попробовала привести машину в движение, и – о счастье! – мотор, чихнув пару раз, заработал. Бензину должно было хватить, чтобы доехать до Староковровска, но Алина решила не рисковать и завернула на расположенную рядом с кафе автозаправку. Полный бак придал ей уверенности, и, несмотря на то, что дождь снова усилился,

она с легким сердцем выехала на трассу. Теперь ей было уже не до воспоминаний, не до недавно испытанных переживаний. Вскоре дорога пошла в гору, и Алине все время приходилось прижимать «Жигули» к обочине. Всякое могло случиться на скользком склоне с летящим навстречу автомобилем.

Эта гора была последним, самым сложным испытанием, и когда «Жигули» успешно с ним справились, Алина вздохнула с облегчением. До Староковровска осталось чуть меньше тридцати километров. Она успокоилась, и, как оказалось, напрасно. Трасса пошла вниз, и она заметила впереди знак «Дорожные работы». Это означало, что придется съехать на проселок и направиться в объезд. А она знала, на что похожи проселочные дороги в это время года, да еще после многочасового проливного дождя.

Вскоре она увидела деревянные рогатки ограждения, а за ними дорожную технику: асфальтоукладчики, катки, а также горы черного гудрона и щебня. Алина остановила машину. Надо собраться с духом, прежде чем ехать в объезд. Она уже заметила, что, хотя спуск и был присыпан щебенкой, сама дорога представляла собой непрерывную цепь луж, судя по выбитой колее, довольно глубоких.

Алина достала сигарету и закурила, выпуская дым в форточку. В голову не приходило ни одного стоящего варианта. Как это частенько бывает в подобных ситуациях, за последние полчаса ее не обогнала ни одна машина. А ей хотелось увидеть сначала со стороны, как это nepотребство преодолевают ее собратья по несчастью. Ее «Жигули» показали себя неплохо на ровной трассе, но как они себя поведут, когда придется форсировать море грязи, Алина представляла слабо. Не хватало еще застрять посреди этого болота и куковать в ожидании доброты, который соизволит их выручить. Но доброты в этих местах, должно быть, давно занесли в Красную книгу. И, мысленно перекрестившись, Алина направила «Жигули» на объездную дорогу.

В действительности дорога оказалась хуже, чем она предполагала. На первом километре «Жигули» буксовали три раза, на втором – четыре, но пока вытягивали, а Алина, исчерпав весь запас ласковых слов в адрес машины, под конец перешла на ругательства. Она бормотала их сквозь зубы, не замечая, что плачет. Пропав пропадом эта жизнь, и эта дорога, и тот момент, когда она согласилась выйти замуж за Степана... Все, все кончено! Ей не выбраться из этой ямы, из этой дыры, и детям придется влачить жалкое существование только потому, что их мать оказалась слаба на голову!

С боковых стекол стекали потоки грязи, «дворники» едва справлялись с теми, что попадали на лобовое стекло. Алина с трудом различала дорогу, к тому же снова пошел дождь, и мутные ручьи хлынули по стеклу. «Надо бы протереть стекло», – подумала она. Но как это сделать? Остановиться посреди лужи? А если мотор снова заглохнет? И она решила ехать дальше.

Но через полкилометра заметила впереди скопление машин и суетившихся вокруг мужчин. «Надо же, опять они! Черт бы побрал эту шатию-братию!» – прошептала она сердито, потому что и без подзорной трубы ей стало понятно, чьи машины перегородили ей дорогу. Она остановилась метрах в двадцати от них и стала наблюдать за тем, что происходит впереди.

А впереди разлеглась огромная лужа. Такая огромная, что Алине стало не по себе. И если эта лужа стала препятствием для джипов, что тогда говорить о ее ветеране советского автомобилестроения? Слава богу, дети спали и не видели, как их мать постепенно впадает в панику. Грязные стекла мешали обзору, и все же она сумела разглядеть, что один из джипов уже миновал лужу, но «Ауди» застряла, и ее вытаскивали с помощью троса и лебедки на джипе. Остальные машины ждали своей очереди, в том числе и джип, на котором разъезжал несравненный Мистер Икс.

Конечно, ей представился отличный случай попросить о помощи. Даже эти снобы вряд ли посмеют отказать женщине с детьми. Но Алине словно якорь пристегнули к одному месту.

Она ни в какую не могла заставить себя выйти из машины и подойти к этой компании. Скорее всего, придется обращаться именно к этому высокомерному типу... Тут она представила, как выглядят ее несчастные «Жигули», и себя увидела со стороны: жалкую, измученную, без капли косметики на лице... Нет, это выше всяких сил! Снова лицезреть эту брезгливую гримасу на холеной физиономии? Унижаться, кланяться этому лощеному субъекту? Умолять об одолжении, лепетать что-то заискивающим тоном? Алина с остервенением помотала головой. Нет, только не это! Но, господи, что же тогда делать? Как поступить? Если бы не дети...

А дети тут же напомнили о себе. Сначала подала голос Полина.

– Мы уже приехали? – капризно спросила она и зевнула.

– Нет, не приехали, – раздраженно ответила Алина.

– Мама, я пить хочу! – плаксиво затянул Степка.

– Пить! Мама, дай пить! – вторил ему Никита.

– Потерпите! – оборвала их Алина.

– Я не могу терпеть! – сварливо заявил Степан. – Я сейчас умру, если не попью!

– Это я сейчас умру, если вы не прекратите ныть! – огрызнулась мать и решительно открыла дверцу. Конечно, только она кругом виновата. В спешке совсем упустила, что нужно купить воды, и теперь пришел черед расплачиваться за собственную забывчивость.

Она сделала глубокий вдох и выдох перед решающим броском вперед и почти бегом миновала расстояние между «Жигулями» и лужей. В это время ее преодолевал последний из двух «Опелей». Пассажиры и водители джипов стояли на берегу и наблюдали, как он, ревя мотором и буксуя, медленно, но передвигается к противоположному берегу. Мужчины стояли к Алине спиной и настолько увлеклись этим зрелищем, что не заметили ее появления.

Алина замерла в нерешительности. В былые времена ей бы не составило великого труда обратить на себя внимание. «Эй, джентльмены! – крикнула бы она весело. – Требуется помощь даме!» И «джентльмены» сломя голову бросились бы спасать ее машину. Правда, тогда она ездила не на дряхлых «Жигулях»...

Она вздохнула и оглянулась. Да, зрелище не из приятных, к тому же ее семейство, доказав еще раз, что им не хватает крепкой мужской руки, вылезло из машины. И у нее сжалось сердце от жалости к детям. К черту ложную гордость! И пусть все провалится в тартарары!

– Здравствуйте! – громко сказала она, стараясь, чтобы ее голос звучал уверенно. – Не могли бы вы...

Мужчины дружно, как по команде, оглянулись. Но она смотрела на седого, к счастью, он оказался ближе всех.

Алина нервно сглотнула и обратилась именно к нему:

– Не могли бы вы помочь мне перебраться через лужу, – быстро произнесла она. – У моей машины барахлит мотор, и я боюсь, что она застрянет.

Седой в удивлении приподнял брови, затем перевел взгляд за ее спину и усмехнулся.

– В чем вопрос? Конечно, поможем! Подъезжайте!

– Спасибо! – Она благодарно улыбнулась. – Я мигом.

– Постойте! – остановил ее седой. – Вам до Староковровска?

– Да, – ответила она, не понимая, к чему он клонит.

– Но там, при въезде на трассу, совсем страшная лужа. Вам ее не преодолеть.

Алина растерянно уставилась на него. Он что, предлагает ей вернуться?

– Возьмите их на буксир! – приказал низкий мужской голос за ее спиной. И, даже не оглянувшись, она поняла, кому он принадлежит. Она всегда считала себя смелой и находчивой женщиной, но тут у нее непривычно задрожали коленки. И все-таки она пересилила себя и оглянулась. Мистер Икс стоял в двух шагах от них. Вблизи он показался ей моложе, но взгляд у него отнюдь не стал мягче, правда, в глазах промелькнуло что-то сродни сочувствию, хотя скорее всего это ей померещилось.

Она не успела раскрыть рот, чтобы поблагодарить его, а он уже снова обратился к седому мужчине:

– Илья, давай их в мою машину. Сам сядешь за руль!

– А как же вы, Игорь Леонидович? – удивился Илья.

– Я пересяду на переднее сиденье. Они поместятся на заднем.

– Но я... – Алина хотела сказать, что ей неудобно, что она сама как-нибудь справится.

Ведь она попросила их помочь только в этом, конкретном случае.

Однако Илья заторопил ее.

– Живее, живее! Забирайте свою ребятню. А то совсем вымокнут!

– Но мне неловко, – все-таки сказала она. – Мы могли бы остаться в своей машине...

– Я не ради вас стараюсь, – резко произнес Мистер Икс, которого, оказывается, звали Игорем Леонидовичем. – Детям нельзя находиться в автомобиле, который буксируют по безобразной дороге.

Эта фраза прозвучала официально и сухо, словно он процитировал инструкцию по технике безопасности.

И она не нашлась, что возразить. Ясно одно: этому типу плевать, что она скажет в ответ. И не в ее положении становиться сейчас в позу: мы бедные, но гордые! Надо выбирать: или не поступаться принципами и в гордом одиночестве дожидаться помощи посреди гнусного, как ее настроение, болота, или изобразить из себя простушку, чуть ли не мать-героиню, которая прямо-таки вне себя от счастья, что ей предложили прокатиться рядом с этим ничем не пробиваемым барином.

Решив все проблемы одним махом и потеряв к ней всякий интерес, Мистер Икс направился к джипу. А Илья снова заторопил ее:

– Ну же! Не заставляйте себя ждать!

Глава 4

– Мама! – Никитка прижался губами к ее уху. – Я пить хочу!

– Потерпи, сынок! – также шепотом попросила Алина. – Как только выедем на трассу, остановимся у первого же кафе.

Дети притихли. Полина сидела в углу и смотрела в окно. Здесь стекло было чистым, а дождь опять прекратился, и даже робко проглянуло солнце. Но дорога от этого лучше не стала, правда, джип в отличие от «Жигулей» не мотало из стороны в сторону, как углый челн в бурю. К тому же теперь Алине не надо было изо всех сил всматриваться вперед, чтобы не влететь в неприятность. Но напряжение по-прежнему не отпускало ее. Мешали расслабиться два крепких затылка на переднем сиденье: седой и темноволосый.

Степка сполз с сиденья и, просунув голову между спинками, вел серьезный разговор с водителем, который состоял из вопросов и ответов. Вопросов Степана и ответов Ильи. Алина пыталась несколько раз вернуть сына на место. Она знала о его способности даже родного отца доводить своими вопросами до белого каления, что тогда говорить о незнакомых людях.

Она предприняла три попытки, на четвертой Мистер Икс недовольно процедил:

– Сударыня, уймитесь! Ребенок нам не мешает!

Не мешает! Она покраснела. Что этот чурбан себе позволяет? И не о нем она заботится, а о водителе. Привык, черт побери, что весь мир вращается вокруг него любимого!

– И правда! – Илья улыбнулся ей в зеркало заднего вида. – Не мешает! И вопросы дельные задает! Занятный парнишка! – И обратился уже к Степану: – Сколько тебе лет, мужик?

– Скоро шесть, – важно ответил «мужик» и не стерпел, похвастался: – А у моего папы тоже джип был. «Лендровер». И еще «Мерседес», и «Форд»...

– Степан! – неожиданно подала голос Полина. – Кончай ерунду болтать!

– Я не болтаю, – огрызнулся он. – Это ты болтаешь!

Полина открыла рот, чтобы одернуть брата, но Алина потянула дочь за рукав и взглядом приказала молчать. Девочка недовольно фыркнула и отвернулась к окну.

И тут заявил о себе Никита. Переговаривались они шепотом, но Мистер Икс опять вклинился в их разговор.

– Что нужно ребенку? – строго спросил он. – В туалет?

Алина выразительно посмотрела на Никиту и покачала головой. Что у нее за дети, никак не хотят понять, что своими просьбами и вопросами ставят мать в неловкое положение?

– Нет, не в туалет, – поспешно сказала она. – С этим терпимо...

– А с чем нетерпимо? – продолжал допытываться Мистер Икс. Он даже не потрудился посмотреть в зеркальце заднего вида. Сидел и смотрел, как истукан, прямо перед собой. И голос у него был ровный, без эмоций. Всякий раз, когда он начинал говорить, ей становилось не по себе. Так можно разговаривать с машиной, с неодушевленным набором железных деталей...

– Я пить хочу, – с обидой сказал Никита, – а мама забыла купить воды.

– Я тоже хочу пить, – быстро присоединился к брату Степан. – Газировки.

– Взгляните, за вашей спиной есть сумка, – отозвался Илья. – Там и вода найдется, и что пожевать...

– Я не стану рыться в чужих сумках, – сухо сказала Алина. – Дети потерпят. До города осталось совсем ничего.

– Хозяин барин! – пожал плечами Илья. – Только до города еще доехать надо!

Алина промолчала. Впереди, по его словам, была еще одна, непосильная для ее автомобиля лужа. И она благодарила судьбу, что эта беда, кажется, обойдет ее стороной.

И правда, на этот раз им даже не пришлось выходить из джипа, но, судя по тому, сколько времени заняла переправа остальных машин, она поняла, что своими силами никогда бы из этой лужи не выбралась.

Впереди показался город, и машины наконец-то выехали на трассу.

– Куда вас подвезти? – спросил Илья.

– Не стоит беспокоиться! – сказала Алина. – Теперь мы сами доберемся!

– На первом же посту вас задержат гаишники, – снова подал голос Мистер Икс. – На вашей машине нельзя въезжать в город.

– Почему? – удивилась Алина.

И тут он впервые повернул голову и смерил ее холодным взглядом.

– Она у вас чересчур грязная.

– Я им объясню, – не сдавалась Алина. – Что они, не люди, не поймут?

Мистер Икс пожал плечами:

– Как хотите! Я два раза не предлагаю.

«Больно надо!» – чуть было не вырвалось у нее, но Алина сдержалась и вместо этого очень вежливо произнесла:

– Я искренне вам благодарна. Без вашей помощи мне бы не выбраться из этой ситуации.

– Пожалуйста! – абсолютно бесцветным голосом ответил Мистер Икс. – Но я вам не советую в дальнейшем отправляться в дорогу с детьми на старой машине.

– Новой не обзавелась, – не сдержалась она, – а ваши замечания приму к сведению.

И тут впервые за время поездки в джипе она поймала его взгляд в зеркале. И теперь Алина не увидела в нем сочувствия. В глазах этого чудовища промелькнуло нечто, похожее на любопытство. И она с торжеством подумала, что сумела-таки заглянуть под эту непроницаемую маску. Пусть на вершок, под самый краешек, но это позволило ей усомниться в том, что этой глыбе льда не свойственны нормальные человеческие чувства...

* * *

К дому тетушки они подъехали уже в пятом часу вечера. И хотя Алина не успела сообщить ей о своем приезде, она совсем не беспокоилась, что тетушка с испугом встретит их нашествие или ее вообще не окажется дома. Во-первых, их здесь любили и всегда ждали; во-вторых, она знала, где тетя Лена прячет ключ от входной двери. Всю жизнь в одном и том же месте, под крылечком.

Дом был двухэтажным. Первый этаж каменный, второй из бруса, но оштукатуренный и побеленный. С горечью Алина заметила, что старые липы, между которыми летом навешивали качели, спилены, зато яблони и вишни в саду разрослись, и их тоже следовало бы привести в порядок, а то переплелись ветками и не позволяют расти друг другу. В маленьком дворике еще сохранились клумбы, но цветы – и астры, и анютины глазки, и ноготки – уже погубили заморозки. Все подходы к дому затянуло сиреневое облако, то цвели сентябринки, последние, самые стойкие осенние цветы.

Алина с радостью отметила, что в окнах первого этажа горит свет, а над печной трубой струится дымок.

– Слава богу, доехали! – с облегчением сказала она. – Бабушка Лена дома!

– Ура! – закричали близнецы и, не дожидаясь разрешения, толкаясь, полезли из машины.

Распахнулась входная дверь, и на пороге показалась Елена Владимировна Невзорова, ее тетушка. Близоруко прищурившись, она взгляделась в прибывших и вдруг, всплеснув руками, устремилась им навстречу.

– Алина! Господи, боже мой! Приехали!

Она распахнула калитку, и дети бросились к ней.

Елена Владимировна обняла их, прижала к себе и принялась целовать, кого в щеку, кого в затылок, радостно приговаривая:

– Наконец-то! Выбрались! Слава богу, нашли время!

– Тетя Лена! – Алина тоже подошла к ней и, обняв, поцеловала. – Ты не пугайся, но мы к тебе насовсем! По крайней мере, на годик точно!

Елена Владимировна отстранилась и в недоумении посмотрела на нее.

– Как это насовсем? А твой театр? Английская школа для Полюшки? Что случилось? С чего вдруг ты уехала из Москвы?

– Потом! Потом! – махнула рукой Алина. – Все расскажу потом, а сейчас скажи, ты примешь нас?

– Алина! – укоризненно посмотрела на нее тетушка. – Это твой дом, ты забыла? Да мне каждый день в радость с вами. Я так по детям скучаю! А о тебе ни слуху ни духу! – Она засмеялась и снова прижала к себе детей. – Никуда я вас теперь не отпущу. А Поле и здесь хорошую школу найдем. Директор гимназии – моя приятельница.

– Прекрасно! – улыбнулась Алина. – Поможешь мне вещи в дом занести?

– Полюшка, веди ребят в дом. – Елена Владимировна подтолкнула детей к калитке. – Только обувь в сенях оставьте, а то, смотрю, всю нашу грязь на подошвы собрали.

Они подошли к машине, и тетушка покачала головой:

– Тяжеленько вам пришлось. Все лужи небось измерили? Нигде не застряли?

– Добрые люди помогли, – улыбнулась Алина. – Если бы не взяли нас на буксир, так и сидели бы в вашем черноземе по самые уши!

Она вытащила из багажника три большие дорожные сумки и чемодан.

– Вот, все мое добро! – Она виновато посмотрела на Елену Владимировну. – В основном детские вещи да свое, что успела схватить!

– Алина, что стряслось? – Тетушка требовательно заглянула ей в глаза. – Тебе пришлось спешно уехать? Ты все бросила? Но почему? У вас же отличная квартира! Дача! И машины? Откуда взялась эта развалюха? Ты же ездила на таком шикарном автомобиле?

– Мне все это будто только кажется, – вздохнула Алина. – Приснилось, как в дурном сне...

Елена Владимировна снова открыла рот, но Алина ее заторопила, прервав поток новых вопросов:

– Давай быстрее вещи занесем, пока не намокли.

Алина подхватила две самые тяжелые сумки и чемодан, оставив тетушке ту, что легче, и направилась к калитке. Коленки у нее подгибались, она не рассчитала собственных сил и едва доползла до крыльца. И, обессиленно опустившись на свою поклажу, виновато улыбнулась тетке:

– Фу-у! Руки чуть не оторвались от тяжести!

– Алина, сдурела совсем! – Тетушка остановилась рядом и покачала головой. – Я бы Лиду позвала...

– Разве Лида здесь? – удивилась Алина. – Что же сразу не сказала?

– Так я же тебе писала, – поразилась тетушка, – она уже второй год живет у меня. Учится в музыкальном колледже. Режиссерский факультет.

– Прости, – Алина виновато улыбнулась, – со всеми передрыгами совсем крыша поехала.

– Она – хорошая девочка, – сказала Елена Владимировна, – вам не помешает.

– Тетя Лена, разве я об этом? – укоризненно посмотрела на нее Алина. – Я Лидку люблю не меньше твоего. И рада, что она поступила. Жаль не в театральный, она же так хотела.

– Катя очень болеет, – вздохнула Елена Владимировна, – из Москвы не наездишься. А так Лида каждые выходные ее навещает, да и я частенько вырываюсь.

– Я тоже съезжу, – сказала Алина. Катя была ее двоюродной сестрой, работала в сельской школе и уже много лет страдала тяжелым артрозом. – Она моих мальчишек еще не видела.

– Я ей фотографии показывала, – улыбнулась Елена Владимировна. – Она обрадуется, что ты вернулась. Только как же так, Алинушка? Я в газете читала, что ты в новом сериале снимаешься...

– Все, не будет больше сериалов, тетя Лена! И газет не будет! – Алина неловко улыбнулась. – Но давай обо всем чуть позже! Вымоталась я, сил просто нет!

– Алина! – с радостными криками из дома выскочила высокая рыжеволосая девушка и бросилась ей на шею. – Приехала! Приехала!

– Лида! – тоже обрадовалась Алина. – В кого ты такая вымахала?

– В тебя! – рассмеялась девушка. – Только чуток переросла!

– Да уж чуток! – Алина оглядела ее с ног до головы. – Дылда еще та! Фотомодель!

– Скажешь тоже, – расхохоталась Лида и подхватила сумку и чемодан. – Твои?

– Мои! – вздохнула Алина. – Пропади они пропадом! – И подняла вторую сумку...

Глава 5

Только в десять вечера Алина и Елена Владимировна остались одни. Сначала с боем уложили близнецов. Возбужденные долгим путешествием и новыми впечатлениями сыновья ни в какую не хотели засыпать, требовали сказку на ночь. Затем они объявили, что им хочется йогурта, а за его отсутствием малинового варенья...

Полина выпросила у матери часок почитать перед сном и ушла в свою комнату. Лида умчалась следом, вспомнив вдруг, что у нее завтра семинар. Наконец все стихло, и Алина теперь могла со спокойной совестью поговорить с тетушкой по душам. Елена Владимировна включила чайник, а на стол выставила булочки и варенье, то самое, малиновое, на которое облизывались близнецы.

– Алина, – Елена Владимировна покачала головой, – ты сама не своя! Я весь вечер за тобой наблюдала. Что случилось? Я понимаю, Степан погиб, но тебе надо подумать о детях. У тебя в Москве квартира, дача...

– Нет дачи! – перебила ее Алина. – И квартиры нет, и машин! И вообще ничего у меня нет, кроме детей и трех сумок с вещами!

– У Степана были долги? – осторожно спросила Елена Владимировна. – Ты их заплатила?

– У него были долги перед детьми, но он про это забыл! А за его жадность расплатились мы!

Отставив в сторону чашку с чаем, Алина смотрела не на тетушку, а на темное окно и продолжала говорить, и ей казалось, что она слышит свой голос со стороны: сухой, ровный, бесстрастный. И рассказ этот совсем не ее рассказ. И события эти произошли не с ней и с ее детьми, а с абсолютно чужими, даже незнакомыми людьми.

– Он вел двойную жизнь, тетя Лена. Помнишь, как долго он за мной ухаживал, как добивался внимания? После Молчанова, после его пьянок и грязных девок, он показался мне светом в окошке. Богатый, красивый, обходительный. Это я после поняла, какой он «обходительный»...

– Что значит двойную жизнь, Алина? – удивилась Елена Владимировна. – Он всегда казался мне порядочным человеком.

– Мне тоже казался, – вздохнула Алина. – Хотя в последнее время я стала замечать, что не все с ним ладно. Он приезжал домой раздраженным, стал срывать зло на мне и детях. А потом просил прощения, говорил, что не все клеится с бизнесом. Сначала мне нравилось, что нас не одолевают гости, что он не таскает меня на приемы, на вечеринки... Но скоро я стала задумываться, что совсем не знаю, как проходит его жизнь за стенами нашего дома. В театре мне завидовали, дескать, поймала золотого журавля, о таком мужике, мол, можно только мечтать... – Она махнула рукой. – Слишком размечталась, раскатала губу, а после – раз! – и по мордасам!

– Он изменял тебе?

– Не знаю. – Алина поймала языком скатившуюся по щеке слезу. – Но лучше бы изменял. Гулянки на стороне я бы пережила. Молчанов приучил меня к этому. Но все, что произошло, оказалось во сто крат хуже и страшнее. Началось с того, что он внезапно исчез. Позвонил, я была как раз на репетиции, и попросил не волноваться. Объяснил, что ему нужно срочно уехать по делам, и велел, чтобы мы перебрались на дачу. Это было в мае, шли дожди, и я оттягивала отъезд. Но он очень настоятельно просил, сказал, что потом все объяснит. Месяц его не было, затем он снова позвонил и сказал, чтобы я собирала вещи. Он обещал заехать за нами и посадить на самолет. Вроде как купил нам путевки в Испанию. Я должна была ехать на гастроли в Киев, но он все уладил с начальством, и меня с трудом, но отпустили. Мы сидели неделю на чемоданах, Степан не появлялся. Вскоре ночью приехали несколько мордovorотов, заперли

нас в одной из комнат и перерыли дачу вверх дном. После обыска они четыре часа держали меня под дулом пистолета и спрашивали, где тайник. Но я понятия не имела, какой тайник и существует ли он на самом деле. Они отобрали у меня ключи и отправились на городскую квартиру. Ты бы видела, что они там сотворили!

– Но ты узнала, что они искали? Может, нашли?

– Нет, тетя Лена, не нашли! Я с детьми вернулась на свою старую квартиру, а позавчера случайно узнала, что они и там нас обнаружили и решили навестить. Тогда мы сбежали к тебе.

– Ничего не пойму! – Елена Владимировна посмотрела поверх очков на племянницу. – Что мог спрятать Степан? Деньги? Какие-то документы? Может, что-то не поделил с компаниями? За что-то его ведь убили? Что тебе сказали в милиции?

Алина всхлипнула.

– Я не могу вспоминать этот кошмар. Его расстреляли у меня на глазах. Он позвонил, сказал, что подъедет через полчаса и чтобы мы немедленно выходили. Было уже темно, первый час ночи. Я подняла детей, они оделись и досыпали на чемоданах в прихожей. А я ждала возле окна, когда он подъедет на такси. Такси подъехало, Степан вышел и махнул мне рукой. И тут из кустов ударил автомат. Степан упал... – Она закрыла лицо руками. – Дальше я почти ничего не помню. Сплошные Содом и Гоморра! Милиция, врачи, какие-то люди... Шум, крики! Я ничего не понимала, а у меня что-то требовали, спрашивали, интересовались, не заметила ли я, кто стрелял... Меня трясло, как в лихорадке. С Полиной случилась истерика, а Степка с Никиткой так, кажется, ничего и не поняли. Даже на отца в гробу смотрели с любопытством. Я их не взяла на кладбище, не смогла... Слишком все жутко было!

– Тебе хоть что-то объяснили в прокуратуре?

– Объяснили, что я его сообщница. А Степа мой – элементарный бандит. С девяносто второго года в бегах. Объявлен был в федеральный розыск. И вообще имел три судимости, общей сложностью в восемнадцать лет, из них тринадцать лет отсидел в колониях особо строгого режима. А потом совершил побег в группе таких же отморозков.

– Алина! – Елена Владимировна побледнела. – Как же так? Не может быть? У всех судимых татуировки, зубы золотые, как их, фиксы...

– Тетечка, – Алина улыбнулась сквозь слезы, – были, видно, и татуировки, и фиксы, но я это уже не застала. Зубы он отремонтировал, от татуировок избавился. Он даже себе пластическую операцию сделал. Потому и жил на воле припеваючи. А может, только говорят, что его искали. Дал, кому следует, в лапу, вот и отвязались!

– Выходит, ты осталась ни с чем? А как же акции его компании? Квартира, дача? Они же были записаны на твое имя? Машина, наконец? Смотрю, ты на своей старой приехала?

– Я тебе самое страшное не рассказала. Да ты могла бы и сама догадаться!

– Он жил по чужому паспорту? По поддельному?

– Паспорт у него как раз был настоящий. А вот фамилия вписана в него фальшивая. Так что дети жили под чужой фамилией. Слава богу, он не успел удочерить Полину!

– И что теперь делать?

– В прокуратуре мне объяснили, что все сделки по купле-продаже и даже свидетельство о браке незаконны, потому что совершены по фальшивым документам, и я, похоже, теряю все права на собственность. Понимаешь, даже метрики ребят недействительны. Все нужно менять: как, когда, где? Я ничего не знаю! Вероятно, в судебном порядке. На меня слишком много всего свалилось, чтобы заниматься этим вплотную. В прокуратуре, говорю же, на меня тоже поначалу смотрели как на уголовницу. В прессе подняли вой. Мне пришлось уйти из театра. Устроилась на гроши в жалкий театр-студию, но и оттуда пришлось сбежать...

– Но что он натворил? Кого-то убил? Ограбил?

– И убил, и ограбил! Очень известного коллекционера Шаровского. Он и его подельники вынесли много ценных вещей. Часть из них через месяц задержали на таможне, в основном

старинное оружие. Но не это главное. По слухам, Шаровский незадолго до ограбления приобрел кольцо последней императрицы, которое Николай подарил ей при рождении наследника. Это кольцо было среди тех драгоценностей, которые Александра и царевны спрятали в своем белье, когда царскую семью вывезли на Урал. Само кольцо пропало, хотя чекисты провели очень тщательное расследование по поводу его исчезновения. Существовало много версий, но ни одна не подтвердилась. Говорят, Александра пыталась подкупить своих охранников, чтобы устроить побег дочерям. Шаровский тщательно скрывал, что это кольцо оказалось у него. Это мне объяснил следователь прокуратуры.

– Ты считаешь, что Степан каким-то образом утаил это кольцо?

– Я же говорю, что ничего не знаю! Кольцо или что-то другое, тоже очень ценное. Милиционеры усердно искали тайник, не менее усердно, чем бандиты, но тоже ничего не нашли! Впрочем, меня это мало интересует!

– Представляю, какие это деньги, – вздохнула тетюшка.

– Камни камнями, но оно вдобавок ко всему имеет историческую ценность, поэтому тянет на астрономическую сумму. Но императрица на самом деле очень не любила кольцо и называла его «Кровь и слезы». Вероятно, как-то связывала с неизлечимой болезнью наследника и надевала его всего раз или два с момента дарения. В прокуратуре мне сказали, что оно состояло из тридцати трех бриллиантов и рубинов и выглядело потрясающе красиво. Такое кольцо очень сложно спрятать в белье, не знаю, как императрице удалось это сделать.

– Но чего Степану не хватало? Почему потянуло на кражу? – Елена Владимировна развела руками. – Денег, как у дурака махорки, машины, квартиры... Все у него было. Или преступные задатки как болезнь: нет-нет да проявятся?

– Знаешь, тетя Лена, про мертвых нехорошо говорить плохо, но я его ненавижу! Не знаю, что у него было в голове, какие планы он вынашивал, но одно знаю точно: о нас он не думал! Он что, умер бы с голоду без этого кольца? Впрочем, он так и так умер, только от бандитской пули.

– Алинушка, – Елена Владимировна робко коснулась ее руки, – у тебя ничего-ничего не осталось?

– Ничего, тетя Лена! На все имущество и счета наложен арест. Дача сгорела в тот день, когда убили Степана. Следствие считает, что ее подожгли. Квартиру опечатали. Осталась моя, трехкомнатная. Но я продам ее только в том случае, когда уж совсем будет невогнать. Есть у меня тысяча долларов да несколько тысяч в рублях. Пока не найду работу, придется жить на эти деньги.

– И куда ты хочешь устроиться? В театр?

– Попробую. Но я знаю, какие деньги платят в провинциальных театрах. Кошку не прокормишь. К тому же не думаю, что мне там обрадуются. Это ж нонсенс, полнейший абсурд, что столичная, по их меркам, успешная актриса вздумала вернуться в нашу дыру.

– Да уж, – вздохнула Елена Владимировна, – наш театр который год на ладан дышит. Комедии какие-то сомнительные ставят, а из классики что-нибудь попроще, подходчивее. Я давно не хожу на спектакли, Лида бывает, ей это по учебе нужно.

– Это мне знакомо, – усмехнулась Алина. – Везде одно и то же... Но не получится в театре, может, в Лидкином колледже преподавать устроюсь. Не пропаду, тетя Лена. В крайнем случае на завод пойду, во Дворец культуры. Как он там, не развалился?

– Не развалился! Только какой это Дворец культуры? Дворец торговли... Магазин на магазине.

– А молодежный театр?

– Молодежь года два уже как под крылышко пединститута ушла. Только с тех пор их афиш не видно. Наверно, тоже разбежались.

Алина покачала головой. В молодежном театре она начинала играть. А на сцене заводского Дворца культуры к ней впервые пришел успех...

– Завод тоже стоит? – спросила она, хотя знала, что это большая тема для Елены Владимировны.

Тетушка проработала на нем почти сорок лет плановиком и никак не могла понять, почему заводская продукция, которая раньше шла нарасхват, чуть ли не в один день стала никому не нужна.

– Стоял, – ответила Елена Владимировна и неожиданно улыбнулась. – Но вот уже больше двух лет прошло, как заработал. Нашлись люди, купили нашу рухлядь. Говорят, иностранное оборудование привезли, будут комбайны по какой-то то ли канадской, то ли американской технологии собирать. Даже работяг теперь по конкурсу принимают. Среди инженеров иностранцев много, а генеральный директор из наших.

– Из Староковровска?

– Нет, из Москвы, но русский, я это имела в виду. Говорят, спуску никому не дает, гоняет в хвост и в гриву! Мужики кряхтят, но работать надо. Зарплаты у них пока небольшие, но платят исправно. В городе на директора теперь не надышатся. Как же, градообразующее предприятие заработало, налоги какие-никакие в казну потекли, безработица снизилась, даже школу в Заводском районе к началу учебного года отремонтировали. Того гляди и вовсе начнут на него молиться.

– А тебе он чем-то не нравится? – улыбнулась Алина.

– Да кто меня спрашивает, нравится, не нравится? – махнула рукой Елена Владимировна. – Кончилась моя власть. А вот Валю, помнишь, со мной работала, полная такая, в очках? Ее за два года до пенсии уволили! Тест какой-то не прошла. Сказали, что им требуются только *компетентные* работники.

– Тетя Лена, но ты сама говорила, что эта Валя ни бельмеса...

– Говорила! – с вызовом произнесла Елена Владимировна. – Но это не по-человечески! Два года до пенсии осталось, а ее взяли и вышвырнули на улицу. Скажи, это справедливо? И как после этого я могу относиться к новому директору?

– Разве она не получает пособие по безработице?

– Какое пособие? Полгода ей будут зарплату выплачивать, только без премиальных. На то время, пока она пенсию будет оформлять.

– Вот видишь? А мне говоришь, выгнали. Просто чуть раньше на пенсию проводили.

– Она еще лет пять могла бы работать...

– Тетя Лена, – Алина обняла Елену Владимировну и прижалась щекой к ее плечу, – кто из нас говорил, что эта Валя вообще работать не умеет? Время такое, из жалости никого держать не будут. Пусть твоя Валя спасибо скажет, что ее довольно благородно выпроводили.

– Ты права, Алинушка. Я сама это понимаю, но обидно за нас, стариков. Раньше получали сто двадцать рублей пенсии, и на все хватало: и на лекарства, и на еду, и на одежду. А теперь попробуй проживи на две тысячи.

– Ничего, тетя Лена, пробьемся! Пойду работать, с голоду не умрем.

– Да я не о том. – Елена Владимировна неловко улыбнулась. – Скопила я немножко денег. На похороны, то да се... Так что не беспокойся, ищи работу, чтобы по душе пришлась. Справимся как-нибудь!

– А ты разве сомневалась? – Алина улыбнулась и поцеловала тетушку в щеку. – Пойдем спать, а? Смотри, уже первый час ночи...

– Иди, иди! Выспаться тебе надо! – заторопила ее Елена Владимировна. – А я посуду приберу со стола.

– Спокойной ночи! – сказала Алина. – Если просплю, разбуди меня в восемь утра.

– Разбужу! – Тетушка расплылась в улыбке. – Не забыла, что нужно сказать, когда засыпаешь на новом месте?

Алина остановилась на пороге кухни и с недоумением уставилась на Елену Владимировну.

– О чем ты?

– А то! Мертвое – мертвым, живое – живым! Загадай, чтобы жених приснился.

– Жених? Тетя Лена, ты с ума сошла? Какие женихи? У меня голова другим забита! – Она посмотрела на тетушку, которая недовольно поджала губы, и расхохоталась. – Не сердись! Обязательно загадаю! Только, боюсь, засну без задних ног и ничегошеньки не увижу.

– И все-таки загадай! Шутки шутками, но я Павла Захаровича первый раз во сне увидела.

– Так то Павла Захаровича! – опять засмеялась Алина. – А я непременно какого-нибудь Мистера Икса увижу. Брр! Отвратительный тип!

– Что за Мистер Икс? – поразилась Елена Владимировна.

Но Алина зевнула и, прикрыв рот ладонью, устало сказала:

– Да бог с ним! Не стоит даже вспоминать!

– Ну и ладно, не вспоминай, – согласилась тетушка.

Но когда племянница, повернувшись к ней спиной, направилась в спальню, торопливо ее перекрестила.

Глава 6

Алина заснула сразу, не осознав даже, успела ли коснуться головой подушки или нет. И проснулась тоже мгновенно, как от толчка. И некоторое время лежала, пытаясь понять, где она. В окно сквозь штору пробивался слабый свет, и, она наконец догадалась, нет, это не фонарь, просто в окно заглянула луна. В городе ее загоразивали башни новостроек, а здесь она заглядывала, когда и куда ей заблагорассудится.

Алина встала, босиком прошлепала к окну и раздвинула занавески. Как странно порой получается. Много лет не бывала в родных, с детства знакомых местах, а вернулась, и, кажется, весь свой век не уезжала отсюда...

Этот дом Павел Захарович, муж тетушки, строил для большой семьи. Он всегда хотел иметь много детей, но бог подарил им одного сына Олега, который погиб в Афганистане в восемьдесят первом, совсем еще молодым человеком. Он так и не успел жениться. Поэтому всю свою нерастраченную родительскую любовь Павел Захарович и Елена Владимировна подарили Алине. Она жила у них с трех лет, потому что ее родители-геологи погибли в экспедиции. Их вездеход ушел под лед в дикой Сихотэ-Алиньской тайге, а их тела так и не нашли. Они проработали там несколько сезонов, искали олово, да и свое имя Алина получила благодаря этому хребту, с которым ее родители связывали так много надежд...

Она никогда не чувствовала себя сиротой, хотя родителей помнила только по фотографиям, ведь и раньше, когда оба были живы, она большую часть года проводила с Еленой Владимировной и Павлом Захаровичем. Много лет дядюшка проработал на заводе мастером, а пять лет назад, за месяц до рождения близнецов, его не стало.

Но тетушка была права: это ее родной дом, и здесь ей тепло и уютно, и прежние страхи уже не так давят, и будущее не кажется беспросветным.

Она накинула халат и вышла из спальни. Комната сыновей находилась рядом, а Полина спала чуть дальше. Всего в доме было шесть комнат, поэтому Алина не боялась стеснить тетушку. Она открыла дверь в спальню близнецов. Они спали на одной кровати, и Алина усмехнулась: все как всегда! Степка развернулся поперек кровати и сложил ноги на Никитку. Никита спал без подушки. Она валялась на полу вместе с одеялом.

Алина уложила Степана на подушку, вторую подняла с пола и подсунула ее под голову Никите, затем накрыла их одеялом и подоткнула с двух сторон, хоть какая-то гарантия, что еще с часок мальчишки будут спать укрытыми.

Она некоторое время вглядывалась в их лица. Да, на всю жизнь осталась память об их отце, белобрысом крепыше с широкой добродушной улыбкой на розовощеком лице. С такой внешностью он мог быть кем угодно – сельским трактористом или передовиком-многостаночником, такими их обычно любили изображать на советских плакатах. Но одного она не могла заподозрить, что Степан окажется человеком с богатым криминальным опытом, настоящим бандитом. Правда, Алина иногда задумывалась, откуда у него взялись капиталы, которыми он ворочал, выстроив и открыв в столице целую сеть супермаркетов «АлтынЪ». Но она решила не забивать себе голову подобными проблемами и, как оказалось, совершила самую большую ошибку в своей жизни.

Честно сказать, с первого взгляда Степан ей не показался. Он вдруг стал появляться на всех ее спектаклях, сидел в первом ряду, и она всякий раз с недовольством отмечала его появление. Поначалу он просто с восторгом пялился на нее, но затем после каждого спектакля в ее гримерную стали заносить корзины роз, очень крупных и дорогих, с вложенной записочкой «От пламенного поклонника». Она от души забавлялась над этими записочками, особенный восторг вызывало слово «пламенный», но ее не слишком интересовало, от кого эти послания. «Пламенных поклонников» в ее жизни хватало, а этого, что сидел в первом ряду, она мысленно

прозвала Купчишкой. Непонятно почему, но какое-то время она чувствовала к нему сильную неприязнь.

Вот тогда бы и следовало прислушаться к голосу разума, понять, чем вызвана ее антипатия к абсолютно незнакомому человеку, но помешало чувство деликатности. Очень уж робок он был поначалу и краснел при каждом слове, когда осмелился наконец прийти к ней в гримерную. Привел его помрежа Скуйбитов, который успел шепнуть Алине, что это один из богатейших людей Москвы, Степан Круглов, и не стоит ему грубить, потому что он выделил деньги на ремонт сцены.

Все же она вела себя сдержанно и только на пятый или шестой раз согласилась поужинать вместе с ним в ресторане. Ухаживал он как-то бестолково, часто смешил ее своей неуклюжестью, но был настойчив. И добился все-таки, что после десятка отказов выйти за него замуж Алина приняла его предложение. Она вдруг поняла, что этот по-деревенски нелепый увалень отвалил в одночасье всех ее кавалеров и заполнил собой все ее время. Он забирал из садика Полину, саму Алину встречал после репетиций и вез обедать, ей подавали одну из его машин, чтобы она смогла съездить в косметический салон или проехаться по магазинам. А когда у нее разболелся зуб, лечил его личный стоматолог Степана.

Он пробовал дарить ей подарки, но Алина с негодованием их отвергала. Тогда Степан очень быстро стал своим человеком в театре. И вскоре директор театра тактично ей намекнул, что она заняла не слишком красивую, отнюдь не гражданскую позицию, не принимая во внимание, что Степан Иванович – большая редкость в наше время – практически оплатил ремонт доброй половины театра и спонсировал постановку «Ромео и Джульетты». В этом спектакле она играла главную роль...

Впрочем, они прожили семь лет без особых проблем, если не считать нескольких поистине диких приступов ревности, абсолютно необоснованных, после чего Степан, стоя на коленях, униженно умолял простить его, целовал ей руки и плакал от раскаяния. Но после рождения сыновей он вдруг изменился. Стал жестче и настойчивее, уже не просил, а требовал. Алине приходилось нелегко, но ей каким-то образом удавалось сохранять мир в семье, при этом не слишком перечить мужу, но и не позволять ему распускаться.

Не все гладко складывалось в театре. За пять лет сменились два художественных руководителя и три режиссера, и новые приходили каждый со своим собственным видением творческого процесса, своей концепцией, своими актерами или актрисами. Труппу сотрясали конфликты, плелись интриги, сподвижники пели осанну своему кумиру, оппозиция строчила гневные письма в Министерство культуры... Причем группы и группки эти плавно, как амебы, перетекали одна в другую, делились, сливались, распадались, чтобы снова возродиться в обновленном составе...

Алина в подобные игры не играла. Она могла себе позволить остаться независимой. Степан крепко посадил директора на финансовую иглу, но это было во-вторых. Самым главным оставалось то, что, во-первых, известность Алины давно вышла за стены ее театра. Она часто и успешно играла в антрепризах на различных сценических площадках Москвы и Санкт-Петербурга, снималась в кино и появлялась если не в каждом втором, то в третьем сериале обязательно. Бульварная пресса к ней, как ни странно, относилась снисходительно, более серьезные издания поместили несколько толковых статей о ее работе в театре и в кино. Очень много писали о Джульетте Алины Заблочкиной, отмечали ее особую энергетику и обаяние, изящество и нежность, которые покорили не только зрителей, но и критиков...

Но, самое главное, Степан не требовал от нее пылкой любви. Скорее всего, женитьба на Алине стала для него еще одним атрибутом высокого положения в обществе, равно как дорогие машины, отдых на престижных курортах, особняк за городом и элитная квартира в Москве. Впрочем, обоих подобная жизнь устраивала... Но до той поры, пока старые привычки Степана не напомнили о себе...

Алина прошла в кухню, открыла форточку и закурила. Когда-то очень давно она также сидела ночью в кухне и рассказывала тетушке о Молчанове. Тогда ей было двадцать, ему тридцать семь, и Елена Владимировна ужасалась, что Леонтий чуть ли не в два раза старше Алины. Но ей все было нипочем. Она влюбилась как кошка и не хотела слушать доводов против. У нее был свой, очень убедительный, на ее взгляд, довод: Молчанов любит ее, как никого до этого не любил. Тогда она еще склонна была считать себя единственной и неповторимой, для него, естественно. Но как же быстро поняла, что ошиблась.

Молчанов был, несомненно, талантлив и когда-то играл в театре на Таганке, поэтому любимые его рассказы о том, сколько было выпито вместе с Володей Высоцким, она знала наизусть. И только позже поняла, что это пустое бахвальство никчемного человека, греющего своего самолюбие подобными откровениями. Молчанов только начинал выходить на подмостки, когда Высоцкий был уже в зените славы. Алина не отрицала, что они могли встречаться на актерских междусобойчиках, но задушевными приятелями никогда не слыли. Но Алина до поры до времени помалкивала.

Леонтий переехал к ней в трехкомнатную квартиру, в быту он оказался мелочным и капризным. Но Алина его любила и на первых порах не замечала ни его неряшливости, ни чудовищной лени, ни способности впадать в меланхолию по поводу любой мало-мальской неудачи.

Она боготворила своего кумира, а он бессовестно пользовался ее наивной любовью и ее деньгами. Тетушка неплохо ей помогала, хотя Елену Владимировну частенько подмывало вытолкать Молчанова в шею. Она видела, как вымоталась и похудела племянница, Молчанов же выглядел сытым и довольным, и не в пример Алине ухоженным и неплохо одетым.

Алина уже играла в театре, ее считали перспективной актрисой, только от мужа она не слышала ни одного слова одобрения. Любое известие об ее успешном выступлении он воспринимал со скептической усмешкой и всякий раз пытался спустить ее с небес на грешную землю. Молчанов не видел ее ни в одной роли, и Алина поначалу объясняла его нежелание бывать на спектаклях с ее участием деликатностью или заботой. А может, и боязнью ранить ее самолюбие своими замечаниями...

Только повзрослев, она поняла, что все объяснялось примитивной завистью. О ней стала писать пресса, заметили критики, ее все чаще и чаще стали приглашать на главные роли, а после роли Нины Заречной в чеховской «Чайке» о ней заговорили в полный голос. После премьеры, на которую Молчанов по своему обыкновению, не явился, он впервые не ночевал дома. Наутро возник на пороге опухший, небритый и жалкий, с виноватой улыбкой на губах. На Алину повеяло омерзительным сочетанием запахов перегара и женских духов.

Молчанов бормотал какие-то объяснения, но она, брезгливо сморщившись, впервые ушла от него в другую комнату. Однако через неделю его простила. Он очень искусно играл на тонких струнах ее души. Очень талантливо умел изобразить из себя избитую в кровь дворнягу, да так, что Алина в конце концов чувствовала себя виноватой и просила у него прощения за жестокость.

Озарение пришло только тогда, когда родилась дочь.

Алина назвала ее Полиной в честь матери. Рожала она тяжело, с осложнениями и после еще долго болела, а Молчанов был не из тех, кто способен проводить время рядом с постелью больной. Он стал играть в казино и проматывал все, что зарабатывал, в один присест. Вскоре почти все ее сбережения ушли в оплату долгов мужа. Она и это стерпела бы, но злые языки постоянно доносили ей то про арфистку из какого-то оркестра, то про ресторанный певичку, то про даму из управления культуры... Возможно, благодаря заботам последней он все еще держался в театре...

Но деньги таяли, как лед на солнце. И, не оправившись как следует после родов, Алина снова вышла на работу. На репетициях она ожила и забыла о болезнях. Снова зазвенел ее голос,

засверкали ее глаза. После рождения дочери Алина несказанно похорошела, и все заметили, что талант ее стал глубже, разностороннее, ярче. Исчезла некоторая скованность в движениях, она стала играть более эмоционально и раскрепощенно.

Для дочери пришлось взять няньку, славную деревенскую девочку... Вот эта девочка и стала тем камнем, о который разбилась ее семейная жизнь. Забота о дочери, новые роли в театре, репетиции, спектакли не сразу, но отодвинули Молчанова на второй план. И раньше Алина не подпускала к себе Молчанова, когда он являлся домой пьяным, но они спали в одной постели. Правда, она долго не могла заснуть. Лежала, повернувшись к нему спиной, вытянувшись в струнку, и, судорожно вцепившись в одеяло, молила бога, чтобы муж не притронулся к ней.

А он, наученный горьким опытом, – Алина расцарапала ему щеку, когда он пытался первый раз овладеть ею, будучи в стельку пьяным, – сопел, ворочался, злобно бормотал что-то, потом засыпал и всю ночь страшно храпел и скрипел зубами, не давая ей забыться...

Вскоре в таких случаях она стала стелить ему постель отдельно, на диване в гостиной, не подозревая, что это приведет к быстрому и печальному, но давно определенному концу.

В ту ночь она проснулась от громких криков в прихожей. Посмотрела на часы. Третий час ночи... Молчанову она по обычаю постелила на диване, в последнее время он раньше двух часов ночи и трезвым не появлялся. Испугавшись, что он разбудит дочь, она поднялась и в одной ночной рубашке вышла из спальни. И увидела Молчанова. Он был разъярен, грязно ругался, а нянька стояла на коленях и плакала, держась рукой за щеку, на которой отпечатался след пощечины. Тогда Алина ничего не поняла, отчитала мужа, пожалела бедную девушку, которая ринулась открывать дверь посеявшему ключи хозяину и попала ему под горячую руку.

Желая загладить вину Молчанова, Алина купила няньке подарок и по этой причине вернулась домой на два часа раньше. И застала мужа и эту девицу в своей постели. Оказывается, Молчанов тоже замаливал грехи, и явно не первый раз. По крайней мере, они даже не заметили ее появления...

Мокрая до ушей Полинка недовольно кряхтела и возилась в своей кроватке, пока ее нянька осваивала минет в соседней комнате...

Странно, но Алина не растерялась, не испугалась. Она была в ярости, и это утроило ее силы. Она вышвырнула полуголую девицу за дверь, следом вылетели ее пожитки. Молчанову, который пытался что-то объяснить, съездила по физиономии и, забрав Полинку, закрылась в детской комнате.

– Довольно, – сказала она наутро, выставляя его чемодан за дверь. – Все кончено... Злобы у меня к тебе нет. Но я не прощу тебе измену в моем доме, на моих простынях. Больше я тебе не верю, а раз не верю, то убирайся. Это мое последнее слово!

И ушла, оставив дверь раскрытой. Ушла, опустив голову, чтобы не показать, как ей горько и обидно. Молчанов что-то пытался сказать ей вслед, но все для него было потеряно! И он это почувствовал, потому что без лишних слов взялся за ручку чемодана и навсегда исчез из ее жизни.

Через месяц он уехал работать в провинциальный, кажется, в липецкий театр и, по слухам, окончательно спился...

После этих потрясений Алина стала совсем другим человеком. Все это заметили. Алина Заблоцкая словно выросла на целую голову, выражение ее лица тоже изменилось. Что-то значительное проявилось во взгляде. Какая-то сила, необъяснимая энергия сквозила в жестах, в походке. Исчезла прежде неуверенная в себе, застенчивая девушка. Ее сменила женщина, знающая цену своему таланту и красоте.

На любой выпад Алина научилась отвечать адекватно. Со временем ее вообще оставили в покое, понимая, что ссориться с ведущей актрисой театра себе дороже станет, ситуацию все равно не изменить, а после исполнения роли Джульетты Алина и вовсе стала непререкаемым

авторитетом в театре. Все спектакли с ее участием шли с аншлагом, публика выстаивала длинные очереди за билетами, рвала их из рук спекулянтов. В дни премьер приходилось расставлять в зале дополнительные стулья, всегда было слишком много желающих увидеть Алину Заблоцкую в новой роли...

Она была на взлете, когда встретила Степана, и еще быстрее пошла в гору, к вершине успеха, когда поняла, что муж не мешает ей в этом... И как противно, как отвратительно все закончилось... Она покривила душой, когда сказала тетушке, что ничего не боится. Старые страхи, робость и неуверенность в своих силах – все это снова вернулось к ней. Но на этот раз она боялась не за себя. Одной ей было бы легче пережить черную полосу в своей жизни. Она нашла бы выход, вывернулась бы, выкрутилась... Но когда на руках трое детей, приходится быть более осмотрительной, более осторожной. Каждое опрометчивое решение могло обернуться катастрофой, а у нее почти не осталось сил, чтобы вынести новые потрясения...

Она с недоумением посмотрела на потухшую сигарету и щелкнула зажигалкой. Крохотный огонек дрожал и трепетал от легкого сквозняка. Она прикурила сигарету и вдруг подумала: а с кем, интересно, спит сейчас Мистер Икс? С женой или с любовницей? И недовольно поморщилась. Ей-то что за забота? Просто еще один неприятный тип в очереди столь же отвратительных особей и злобных тварей. Она ни в коем случае не хотела его щадить, пускай он и проявил заботу о ней и ее детях. Но Мистер Икс уязвил ее самолюбие, а такого отношения Алина не прощала никому, даже в дни неудач и поражений.

Алина вздохнула, выбросила окурочку в форточку и отправилась в свою комнату. Следовало хорошенько выспаться перед грядущими испытаниями. А она знала, что в будущем ей мало не покажется.

Глава 7

Дети еще спали, и Алина решила их не будить. Пусть выспятся как следуют. Лида умчалась в свой колледж к восьми, по этой причине они завтракали с Еленой Владимировной вдвоем.

Тетушка предложила сама отвести Полину в школу и уладить все вопросы с директором гимназии.

– Ничего, все утрясется! Полюшка – умная девочка! – успокаивала Алину тетушка. – В гимназию хулиганов и двоечников не принимают. Там в основном учатся дети местных шишек и богачей.

– Да-а? Дети богачей, говоришь? – протянула с сомнением в голосе Алина. – Так это самое злобное сословие! И, главное, дети очень быстро перенимают манеры и образ мышления своих родителей. Но нам не из чего выбирать! К тому же я не хочу, чтобы она прекратила занятия в музыкальной школе. Как сейчас с этим?

– Теперь у нас две музыкальные школы, – с воодушевлением поведала Елена Владимировна. – Первая, та, которую ты окончила. Но в здании летом обрушился потолок, и оно на ремонте. Сейчас часть ребят занимается в бывшем Доме пионеров, остальных разбросали по обычным школам. Родители жалуются, никаких условий, а мэр все завтраками кормит, но воз, похоже, и ныне там. Нет у города денег на ремонт.

– Да, жалко, – вздохнула Алина, – школа была хорошая, я подумывала отдать Полину Марии Сергеевне. Она еще работает?

– Помаленьку скрипит, ведет в школе несколько часов да на дому индивидуально занимается. Седьмой десяток пошел, побаливает постоянно.

– Понятно, а что со второй школой?

– А вторая – частная, там приличные деньги берут за обучение. Да ты помнишь, наверно, Ольгу Старикову? Подружку свою закадычную. Она долгое время руководила детским ансамблем скрипачей. Так вот, это ее школа!

– Ольга? – изумилась Алина. – Она ушла из музыкального колледжа? Но ведь ее муж был директором? Как он ее отпустил?

– Был, да сплыл! – с досадой произнесла Елена Владимировна. – Чуть ли не на ее глазах закрутил роман со студенточкой. Ольге тут же донесли! А она, сама знаешь, женщина горячая, бросилась на эту девицу с кулаками, причем прямо на занятиях. Скандал страшный был! Вот после этого она не только своего Старикова бросила, но и из колледжа ушла!

– Стариков! – Алина покачала головой. – Старый пень! И с Ольгой у него тоже подобный роман случился! Помнишь?

– Конечно, помню. Терезу Романовну из-за кого он бросил? Ради Ольги твоей. – Елена Владимировна поджала губы и осуждающе покачала головой.

– Так он теперь с этой девочкой живет?

– Ну да! – пожал плечами Елена Владимировна. – Лидкина однокурсница. Лет девятнадцать ей, от силы. А ему уже шестьдесят три. Мой ровесник.

– Сладена! – усмехнулась Алина. – И как он с ней справляется, дырявый валенок?

– Так «Виагру» пьет! – рассмеялась тетушка. – У моей приятельницы дочь в аптеке работает, она рассказывает, старый хрыч ежемесячно флакончик покупает. Причем вслух не говорит, что ему нужно, а записочку сует в окошко. А в городе и так знают, смеются.

– Поделом ему, старому дурню! – сказала Алина и поднялась со стола. – А с Ольгой я встречусь! Думаю, нам есть о чем поговорить! Где ее школа находится?

– В клубе ковровой фабрики. Они там целое крыло в аренду снимают. Помнишь, где это? Сразу за парком, рядом с пожарным депо.

– Как такое забудешь? – улыбнулась Алина. – Мы туда на танцы бегали.

– Повстречайся с ней, Алюшка! Она о тебе частенько спрашивает. Честно сказать, это она помогла нам Лиду устроить. А то, сама знаешь, сейчас без денег сложно поступить учиться!

– И здесь, выходит, без взяток не обойтись? – поразилась Алина. – А я думала, это только в столицах процветает.

– А чем наши чинуши хуже? – усмехнулась Елена Владимировна. – Хорошо жить не запретишь! А они все очень хорошо живут, на наших костях, естественно...

Встречу с Ольгой Алина решила не откладывать в долгий ящик. Когда-то они были близкими подругами, но поссорились, и причиной разлада стало замужество Ольги. Стариков был не только на добрых три десятка лет ее старше, но к тому же являлся мужем Терезы Романовны, режиссера молодежного театра, которую обе боготворили. И роман Ольги со стареющим ловеласом Алина восприняла как предательство. Конечно, Стариков ценой больших усилий выглядел моложаво. И подруги это прекрасно сознавали. Все происходило на их глазах, потому что они дневали и ночевали у Терезы Романовны, которая тоже души в них не чаяла.

И, лишь повзрослев, Алина поняла мотивы, по каким Ольга бросила жениха, их однокурсника по музыкальному училищу. Ольга понимала, что иным путем ей в жизни не пробиться. В лучшем случае ей светило распределение в городскую школу преподавателем музыки, в худшем – в сельскую...

Крошечная зарплата, комната в общежитии, полуголодное существование – Ольга нахлебалась этого досыта в студенческие годы. Она не хотела бороться, доказывать, убеждать, завоевывать свое место под солнцем. Стоило ли губить свою молодость, если этой молодостью и красотой можно воспользоваться, как оружием. Чем еще можно сразить рассыпающего песок, но распушившего хвост олуха, как не молодым гибким телом и томным взглядом из-под слегка опущенных век, да еще восторженным полусшепотом:

– Ах, Георгий Александрович, вы – просто мой кумир! Вы – мой идеал! Я всегда мечтала, чтобы вы занимались со мной индивидуально...

Именно эти слова услышала Алина, когда без стука вошла в гостиную Терезы Романовны. Та попросила ее узнать, по какой причине Ольга не приехала на репетицию, и попутно захватить пуховую шаль, которой она обвязывала больную поясницу. Алина очень спешила, но застыла на пороге, когда увидела, что Ольга сидит на коленях Старикова, обнимает его и целует в плешивое темя.

Стариков заметил ее первым, побагровел, попытался подняться на ноги, но Алина, забыв о просьбе Терезы Романовны, пулей вылетела из комнаты. Ее затошнило от отвращения и чуть не вырвало на крыльце...

Здание бывшего музыкального училища промелькнуло слева, и Алина вздохнула. Колледжем оно стало именоваться чуть позже, когда вместо контор появились офисы, а вместо школ – гимназии и лицеи...

Она все еще размышляла, стоит ли сначала заехать в театр, а потом к Ольге или все-таки наоборот. Известие об ее разводе со Стариковым несколько поумерило нежелание Алины встречаться с бывшей подругой. Правда, она до сих пор не могла простить ей смерть Терезы Романовны. Та скончалась на следующий день от сердечного приступа, когда узнала, что ее муж чуть ли не в открытую живет с ее любимой ученицей, которую она сама привела в свой дом, подкармливала, перешивала ей свои платья, потому что стипендии, которую платили в училище, с трудом хватало на пару колготок, не больше. А Ольге приходилось жить на одну стипендию. Ее мать, прежде знатная доярка и орденоносица, спилась в одночасье, когда пригородный колхоз, в котором она всю жизнь работала, развалился, а молочное, высокоудойное стадо пустили под нож.

И все же удовольствие общения с Ольгой Алина оставила на более позднее время. Сначала нужно было утрясти вопрос с работой.

За шесть лет, что она не была в Староковровске, здание театра, возведенное в начале пятидесятых, еще больше обветшало. Судя по фасаду, его не ремонтировали с советских времен. Ржавые потеки на стенах, обвалившиеся ступени, разводы плесени над входом. Алина взглянула на большую афишу. Репертуар на октябрь... Она вздохнула: кроме «Мнимого больного» Мольера, ни названия пьес, ни фамилии их авторов ничего ей не говорили.

Алина толкнула дверь, но она не поддавалась. В дневное время сюда, видимо, попадали не через парадный вход. Она обогнула здание театра. Здесь оно выглядело еще хуже: облупившаяся краска, обвалившаяся штукатурка, буро-зеленые пятна плесени.

Она поднялась по разбитым ступеням и открыла дверь с надписью «Служебный вход». И почти сразу оказалась в мрачном коридоре, освещенном единственным, затянутым пылью и решеткой окном. За высоким барьером восседала дородная дама в меховой безрукавке поверх синего казенного халата и в шелковой косынке, обмотанной вокруг головы наподобие чалмы. Вокруг нее толпились пять или шесть человек, мужчины и женщины, неважно одетые, но с претензией на экстравагантность. Одна из дам была завернута в ярко-красный палантин, из-под которого выглядывали полы дешевого пальтишка и старенькие сапоги. Вторая смотрелась несколько лучше в своей белой курточке из искусственного меха и узких кожаных брючках.

На Алину сначала никто не обратил внимания. Все были заняты обсуждением какой-то жгучей проблемы, голоса у толпившихся у барьера людей звучали оживленно, но в них проскакивали раздраженные нотки. Вахтерша пребывала как раз в центре этой дискуссии и зло огрызалась на замечания окруживших ее мужчин. Женщины находились в стороне. Они сели на низкий диванчик и наблюдали за происходящим.

«Актеры, – подумала Алина, – будущие коллеги! Первая проверка на границе...»

Она поздоровалась, из всех присутствующих ей ответила только вахтерша. Бросив на Алину быстрый взгляд, она снова перевела его на мужчин. Правда, женщины не оставили Алину без более пристального внимания. И она спиной почувствовала, что им что-то в ней не понравилось, хотя оделась она более чем скромно.

– Откуда мне знать? – сердито бросила вахтерша, видимо, в ответ на чей-то вопрос, и затянулась сигаретой. – Обращайтесь к Радченко. Он занимается автобусом, я здесь ни при чем.

– Но Радченко сказал, что автобус подадут к десяти! – Самый рослый, лет сорока мужчина с пышной гривой темных волос сердито постучал пальцем по циферблату часов. – Уже половина одиннадцатого, а ни Радченко, ни водителя, ни автобуса нет!

– А я при чем? – устала на него вахтерша. – Я вам, что ли, обещала автобус?

– Карина Борисовна, – подал голос щуплый молодой человек, чьи жидкие волосы были заплетены в тонкую косичку, – позвольте нам позвонить Карнаухову!

– Не позволю! – быстро сказала вахтерша и резко взмахнула рукой, отчего столбик пепла на сигарете отлетел в сторону и приземлился на барьер. – У Геннадия Петровича важная встреча с Цурановым. Понятно вам или нет? Важная!

– А нам что из того? – возмутилась дама в белой курточке. – Они небось коньяк пьют, а у нас спектакль срывается! – Она поднялась и подошла к барьеру. Брезгливо стряхнув с его деревянной поверхности пепел, она облокотилась на него и приказала: – Карина, старая гримза! Если ты сейчас же не пропустишь меня к Геннадию, я подниму дикий скандал. Ты меня знаешь! При Цуранове устрою!

– Устраивай! – Вахтерша презрительно скривилась, никак более не отреагировав на «старую гримзу». – Все равно не пропущу! – И перевела взгляд на Алину. – Вам чего, женщина? Если билеты получить, то это в бухгалтерии. Первый раз, что ли?

– Первый раз, – сухо ответила Алина, – но я не распространитель. Мне необходимо увидеться с вашим директором или художественным руководителем.

Вахтерша поморщилась.

– Директор не принимает, не слышали разве?

– Слышала, – ответила Алина, – но меня, думаю, примет незамедлительно.

Недовольно галдевшие актеры замолчали и все, как один, уставились на нее. Алина поняла, что пора снять напряжение, и улыбнулась.

– Карина Борисовна! Я до сих пор помню вашу Вассу Железнову. Потрясающе! Я раз десять смотрела этот спектакль...

Вахтерша открыла рот и быстро закрыла его.

– Милочка, – что-то похожее на улыбку тронуло ее ярко накрашенные губы, – я вас плохо припоминаю, но, вижу, что-то знакомое...

– Заблоцкая, – сказал вдруг кто-то за ее спиной. – Вы – Алина Заблоцкая?

Щуплый актер с косичкой протиснулся к барьеру.

– Я вас узнал! – Он прищурился. – Глазам не верю! Сама Заблоцкая! – Он схватил Алину за руку. Глаза его весело блеснули. – Позвольте представиться. Артем Полуянов, актер этого жалкого театра.

– Очень приятно, – сказала Алина и вежливо улыбнулась. – Но я с вами не согласна, жалкий театр не номинируется со своим спектаклем на «Золотую маску».

– Так когда это было? – отозвался второй, тот, что с пышной гривой волос. – Два года назад. И номинировались не значит, что получили «Маску», а в последнее время прорывов вовсе не случалось.

– Ты, Шувалов, лучше помолчал бы! – скривилась дама в белой курточке и протянула Алине узкую ладошку. – Галина Собецкая, по совместительству жена этого негодяя! – Она кивнула на мужчину с шевелюрой.

– Очень приятно! – снова сказала Алина и улыбнулась, хотя заметила в глазах Собецкой злые огоньки. – Мне надо встретиться с Геннадием Петровичем. У меня к нему важное дело!

– Уж не в Москву ли его забрать хотите? – Вторая актриса наконец поднялась с дивана. – А то он давно грозит уехать! – она произнесла это с заметным ехидством, и Алина поняла, что с первых шагов в театре столкнулась с оппозицией, хотя могла и ошибиться. Недоразумение с автобусом способно вызвать временное недовольство и в лагере сторонников директора.

– Нет, я по другому вопросу, – доброжелательно улыбнулась Алина и перевела взгляд на вахтершу. – Вы мне позволите пройти, Карина Борисовна?

Та развела руками:

– Что с вами поделаешь? Не каждый день столичные знаменитости наносят нам визиты. Проходите! – и приказала хорошо поставленным голосом трагической актрисы: – Артем, проводите Алину... – Она вопросительно посмотрела на нее.

– Вадимовну, – уточнила она.

– Алину Вадимовну, – расплылась в улыбке бывшая актриса. – Поручаю вас Артему. Он у нас самый безвредный.

– Карина Борисовна! – укоризненно посмотрел на нее Полуянов и покраснел. – Что вы имеете в виду?

– То и имею! – отрезала та. – За себя постоять не умеешь!

Она, похоже, озвучила обычный в ее устах упрек. Полуянов только поморщился, но перечить не стал. И, вежливо склонив голову, протянул руку в сторону еще более темного коридорчика.

– Прошу, пани Алина, в наши пенаты!

Глава 8

Они миновали длинный, плохо освещенный коридор, в который выходило несколько обшарпанных дверей. На одних сохранились таблички «Костюмерная», «Бутафорский цех», «Заведующий хозяйством», «Гримуборная». На других таблички отсутствовали, но здесь редко бывали посторонние, а свои и без указателей знали, что и где находится. Пару раз навстречу им попались какие-то мрачные личности. Первая группа из трех человек протасила в глубь здания огромную раму с натянутым на ней и прорванным в нескольких местах полотном, явно фрагмент декораций, потому что сквозь слой пыли проглядывало изображение какого-то строения. Вернее, часть здания с колоннами и бельведером...

Еще два давно небритых субъекта пронесли мимо них на сцену сварочный аппарат, и Полуянов покачал головой.

– Опять чего-нибудь подожгут, но без сварки не обойтись, все конструкции на сцене на ладан дышат.

Алина только вздохнула в ответ. Она не представляла, насколько все тут окажется убогим, дряхлым и унылым. *«Запах безысходной бедности!»* – подумала она. – *«И здесь мне предстоит играть».*

Но выбирать было не из чего! Она посмотрела на Полуянова.

– Артем, сколько у вас премьер в год?

Тот покачал головой и развел руками.

– От силы две. Не тянем! Зритель не идет в театр. Бывает и такое: купят билет, а на спектакль не приходят. Самые дорогие у нас по сто рублей, самые дешевые – тридцатник. И все равно на иных спектаклях едва с полсотни или чуть больше зрителей наберется, а мы выкладываемся по полной. Но зарплата, сами понимаете! – Он скривился. – Вот и халтурим, кто как может. Я в частной фирме перетяжкой мебели занимаюсь. Кто-то таксует, когда получится. Карина, вон, на вахте... Да еще по деревням ездим с концертами и небольшими спектаклями. Там, как ни странно, нас хорошо принимают.

– Карина Борисовна еще играет?

– Играет! И совсем неплохо. Лет пять назад даже из области приезжали посмотреть на нее в «Кавказском меловом круге». Я этот спектакль уже не застал, – виновато улыбнулся Полуянов. – А вы в нашем театре начинали?

– Нет, я еще в школе в «Софите» играла, в молодежном театре. Говорят, он распался?

– Нет, дышит пока! Им отдали старую кочегарку под театр. Они привели ее в порядок, а какие-то сволочи подожгли ночью. Выгорело подчистую. Теперь перебиваются, где придется, но кураж уже не тот.

Алина хотела спросить, кто сейчас режиссер в «Софите», но не успела. Они поднялись на второй этаж, и Полуянов быстро сказал:

– Ну, теперь сами дойдете! Вторая дверь направо и есть кабинет Карнаухова. Между прочим, он у нас еще и художественный руководитель.

– Я в курсе, – улыбнулась Алина и пожала руку Полуянову. – Спасибо, что проводили. Я бы и вправду заблудилась.

– Чего там! – покраснел Полуянов. – Без проблем! – И снова виновато улыбнулся: – Ну, я побежал?

– Счастливо! Дай бог, чтобы вам повезло с автобусом.

– Ой, не сглазьте. – Полуянов трижды постучал по косяку ближней к ним двери. – Думаете, это первый раз? Изю дня в день такая свистопляска.

Он махнул ей рукой на прощание. Алина проводила его взглядом и направилась к указанной двери. Но вдруг та распахнулась, и навстречу ей вышли два человека: один – высокий,

светловолосый, в дорогом костюме; второй – с заметным животиком и большими залысинами. Одет он был в джинсы и пуловер, из-под которого выглядывала темная рубашка с расстегнутым воротничком. Первый, – глаза его ровно ничего не выражали – не шел, а по-страусиному важно вышагивал, второй семенил рядом и подобострастно заглядывал ему в лицо.

Алина оказалась у них на пути и слегка посторонилась, но оба господина не обратили на нее внимания и прошли мимо. Тот, что в джинсах и пуловере, даже задел ее локтем, но не подумал извиниться...

– Михаил Романович, – бормотал лысоватый, – надеюсь, вы завтра к нам заглянете? Сами убедитесь, что подобными средствами шедевры не создаются...

– А кто тебя просит на шедевры замахиваться? – лениво процедил высокий. – По коню корм...

– Так мы уже не кони, – покраснел лысоватый, – а клячи водовозные... Стыдно, гоним мусор, люди забыли, что такое театр...

– Мусор... – усмехнулся высокий. – Вы, дорогой мой, привыкли сидеть на шее у государства, а сейчас другие времена! Надо самим учиться зарабатывать. Попрошайничество уничтожает...

Лысоватый побагровел:

– Михаил Романович, испокон веку богатые люди в России не жалели денег на театр. Я думал, что меценатство...

– Так то ж богатые, – усмехнулся высокий, – а у меня сейчас проблемы. Налоги, акцизы... Возможно, месяца через три, после Нового года, что-нибудь отыщем. А сейчас, вот те крест, не могу. – И высокий провел ребром ладони по горлу. – Без ножа режут!

Он протянул руку и похлопал лысоватого по плечу.

– До встречи, Геннадий Петрович! Право слово, рад был пообщаться! – И подмигнул: – А актриски твои подкачали. Не первой свежести дамочки! Надо, надо обновлять коллектив, а то взгляд кинуть некуда.

Геннадий Петрович Карнаухов развел руками.

– Какова зарплата, Михаил Романович, такова и труппа. Сам понимаю, что нужно привлекать молодых актеров, свежие идеи внедрять, но – увы! – вся закавыка в...

– Да, понял я, понял, – неожиданно рассердился высокий, – но сундук у меня не бездонный. То образование на горло наступает, то медики... Не могу я всех голодных накормить, соображаешь ты или нет? Ну, помогу я вам с одним спектаклем, а дальше что? Решит твою проблему один спектакль?

– Не решит, – обреченно ответил Карнаухов и пожал руку высокому. – До свидания, но завтра все-таки приезжайте.

– Постараюсь, но не обессудь, если не получится. – Высокий вежливо улыбнулся и направился к лестнице.

Карнаухов, заложив руки за спину, некоторое время смотрел ему вслед, затем шепотом выругался и, скользнув взглядом по Алине, бросил:

– Вы ко мне?

– К вам, если вы директор театра...

– Директор... – Карнаухов рывком распахнул дверь и приказал: – Дождитесь меня в приемной.

Алина прошла следом за ним. В приемной находились две дамы – блондинка и брюнетка, обе нехрупкого телосложения. При виде Карнаухова глаза у них округлились.

– Геннадий Петрович, – бросились они к директору, – неужели отказал?

– Отказал! – рявкнул тот неожиданно басом. – Актрисочки наши ему рылом не вышли!

– Фу-у, как пошло! – скривилась брюнетка. – Зачем ему актрисы, если в любом ночном клубе можно снять молодую девку?

– И не только в ночном клубе, – вздохнув, молвила блондинка.

– Ё-мое! – схватился за голову Карнаухов. – Что за разговоры? Премьера на носу, все горит ясным пламенем, а вы – кто, где и кого снимает! Мне бы их заботы!

Алина продолжала молча стоять за его спиной. Первой обратила на нее внимание брюнетка.

– Вам кого, милочка? – спросила она, прищурившись.

Блондинка тоже прошла по ней взглядом и скривилась. Алина не успела ответить.

– Это ко мне, – махнул рукой Карнаухов и, не обернувшись, буркнул: – Проходите!

Алина мило улыбнулась дамам – каждая была лет этак на двадцать старше ее – и направилась вслед за директором. Кабинет у него оказался просторным, с двумя окнами и высоким потолком, но выглядел столь же неряшливо, как и весь театр в целом.

– Ну, что у вас? – спросил недовольно Карнаухов, усаживаясь в кресло за столом. Отодвинув в сторону зеленую папку с документами, он придвинул к себе синюю. Головы он так и не поднял, поэтому не заметил, что Алина продолжает стоять.

Она некоторое время ждала, что ей предложат сесть, и наконец не выдержала:

– Прошу прощения, но обычно женщине сначала предлагают сесть, а потом задают вопросы.

Карнаухов наконец оторвал свой взгляд от бумаг и обратил его на Алину.

– Голуба моя! У нас тут попросту, без церемоний. В глубинке живем-с! Этикетам не обучены!

– Очень плохо, что не обучены, – сухо заметила Алина. – Дурные манеры они и в Африке дурные!

Конечно, она понимала, что не стоит грубить человеку, от которого зависит, примут ли тебя на работу или выставят внахлебную, но промолчать не смогла.

Но Карнаухов лишь пожал плечами и жестом показал на стул.

– Пожалуйста, – произнес он с иронией, – присаживайтесь.

Приличия были соблюдены, и Алина с ходу перешла к делу.

– Я – актриса и хотела бы работать в вашем театре.

Карнаухов с недоумением уставился на нее.

– Не понял?

– Разъясняю, – Алина почувствовала, что закипает, – я хочу работать в вашем театре. Актрисой. В моем репертуаре...

– Так вы актриса? – Глаза Карнаухова блеснули. – Простите, но в последние годы я больше расставался с актерами, чем принимал кого-то на работу. Конечно, в труппе у нас некомплект, и все-таки я хочу знать, что вы окончили, в каких театрах играли, ваше амплуа?

– Окончила я Щепкинское училище, – несколько умерила пыл Алина, – более десяти лет играла в Москве у...

Она назвала фамилию известного режиссера, и Карнаухов с изумлением уставился на нее.

– Постойте! Постойте! – Он вскочил на ноги, обежал вокруг стола и присел на соседний стул. Сцепив пальцы, он некоторое время разглядывал ее, приоткрыв рот и беззвучно шевеля губами.

Алина так же молча смотрела на него, ожидая продолжения.

– Алина... Заблоцкая? – произнес наконец растерянно Карнаухов. – Не верю своим глазам.

– Придется поверить, – сухо ответила Алина и уточнила: – Так как же насчет работы?

Карнаухов воздел руки к небу.

– Бог мой! Ты услышал мои молитвы! Алина Заблоцкая! Виданное ли дело! – Он схватил ее за руку и попытался поцеловать, но она осторожно освободила ладонь.

– Простите, Геннадий Петрович! Вы не ответили на мой вопрос?

– Да, да, конечно! – Карнаухов вернулся на свое место. Он прямо-таки светился от счастья. – Право слово, ваше лицо мне сразу показалось знакомым. Но я предположить не мог, чтобы звезда столичной сцены пожаловала в наши гиблые места.

– Отчего ж они гиблые? – Алина пожалала плечами. – По мне так просто замечательные места. Я здесь выросла, училась...

– Наслышан, наслышан! – Карнаухов потер ладони. – Но я не понял? Вам нужна антреприза? Моноспектакль или...

– Нет, мне нужна постоянная работа в театре, – Алина недовольно посмотрела на Карнаухова. – Я вернулась в Староковровск. Не знаю пока, навсегда или на короткий срок, но, как минимум, один-два сезона я хотела бы поработать в вашем театре.

– Вы... желаете... играть... в нашем театре? – До Карнаухова наконец дошло, чего она хочет. – Это не блажь? Не каприз? Это серьезно?

– Серьезнее не бывает! – отрезала она. – Я рассчитываю, что вы не откажете мне.

– Да, это само собой! – Карнаухов озадаченно посмотрел на нее. – Но зарплата актера... Сами понимаете... Я не могу предложить вам особый статус, иначе вас просто сожрут с потрохами.

– На особый статус я как раз и не рассчитываю, – перебила его Алина. – Однако это не значит, что я соглашусь на второй состав.

– Упаси господь! – замахал руками Карнаухов. – Вы – настоящий подарок для нашего театра, но должны понять, что не всем придется по нраву ваше появление...

– Меньше всего я склонна подстраиваться под чьи-то интересы, – Алина высокомерно посмотрела на Карнаухова. – Я хочу играть, а не плести интриги. Если мы найдем с вами общий язык, остальное решится само собой.

– Похвально! Похвально! – Карнаухов расплылся в улыбке. – Люблю сильных женщин. – И он игриво подмигнул Алине.

Но она смерила его холодным взглядом.

– Давайте перейдем к делу, Геннадий Петрович. На что я могу рассчитывать?

– Про зарплату я вам уже сказал, – Карнаухов виновато улыбнулся. – Можно подрабатывать на детских утренниках, кроме того, мы создали две концертные бригады, ездим по сельским клубам и школам. Отрывки из спектаклей, декламация, пародии на известных артистов... Словом, халтура, но без этого не выжить.

– Мне это знакомо, – улыбнулась Алина. – К слову, зарплата столичных артистов не столь высока, как это принято думать, поэтому тоже приходилось крутиться, как белка в колесе. Так что мне не привыкать.

– Ну, лады! Лады! – Карнаухов потер ладони. – Я ведь не зря назвал вас «подарком судьбы». – И почему-то шепотом, но торжественно заявил: – Ведь мы замахнулись на Шекспира. Через месяц премьеры. «Ромео и Джульетта»! Вам и карты в руки. Конечно, наша Белова совсем неплоха, но представьте, как повалит зритель, если мы заявим вас на роль Джульетты.

– А что скажет на это сама Белова?

– А что она скажет? – поразился Карнаухов. – Рассердится, конечно. Но она должна понимать, что в интересах общего дела я должен предложить роль в премьерном спектакле вам. И это обсуждению не подлежит. Зоя Аркадьевна! – неожиданно рявкнул он, и на пороге тотчас возникла блондинка из приемной. В зубах она сжимала сигарету, а в руках держала цветочный горшок.

– Что такое? – спросила она недовольно и передала горшок брюнетке, которая выглядела из-за ее плеча.

– Иди сюда! – приказал Карнаухов и, заметив, что брюнетка не ушла, велел: – Роза, прикрой дверь. Меня ни для кого нет!

– И для Цуранова? И для Серпухова? – поразилась брюнетка.

- Хоть для господ бога! – Карнаухов смерил ее недовольным взглядом. Брюнетка фыркнула, дернула плечом и закрыла за собой дверь.
- Не кощунствуй, Геннадий! – Блондинка проплыла через весь кабинет и опустилась на стул рядом с Алиной. На нее она не посмотрела.
- Познакомьтесь, Зоя Аркадьевна, это Алина... э-э-э...
- Вадимовна. Алина Вадимовна, – вежливо улыбнулась та.
- Алина Вадимовна Заблоцкая. – Карнаухов произнес это с нажимом, сделав ударение на слове «Заблоцкая». – Надеюсь, вам знакомо это имя? – И, переведя взгляд на Алину, представил уже блондинку: – Зоя Аркадьевна, наша завтруппой.
- Очень приятно, – Алина снова едва заметно улыбнулась. Завтруппой покосилась на нее:
- Заблоцкая? Из Москвы?
- Как видите! – Алина развела руками. – Хочу устроиться в ваш театр.
- Но сезон уже начался! У нас полный состав, – недовольно произнесла завтруппой. – Все роли утверждены. Или вы рассчитываете на роль Джульетты? Так...
- Это не она рассчитывает, это я рассчитываю! – Карнаухов поднялся на ноги и, опершись костяшками пальцев на столешницу, окинул женщин взглядом. – Я уже предложил Алине Вадимовне роль Джульетты в премьерном спектакле. Это, несомненно, привлечет зрителей и, сильно надеюсь, спонсоров. Это же позор, не можем найти десять тысяч на то, чтобы обновить костюмы. Заметьте, не пошить, а только обновить, чтобы от них плесенью не воняло!
- Но возраст... – Завтруппой смерила Алину скептическим взглядом. – Вам же, милочка, уже за тридцать. Играть четырнадцатилетнюю девочку...
- Карнаухов в который раз перебил ее:
- А Белова? Почему ты не высказывала подобных сомнений по поводу Беловой? Ей тоже давно не двадцать.
- Белова? – усмехнулась завтруппой. – Ей двадцать восемь. И у нее маленький рост и очень хрупкое телосложение. А... – Она посмотрела на Алину, но не закончила фразу уже по собственной воле. Видно, прочитала в глазах Алины нечто, что заставило ее перейти на более миролюбивый тон. – Я, конечно, не против. И слышана, какой грандиозный успех имела Алина Вадимовна в этой роли. Возможно, стоит попробовать. Но премьеру должна играть Белова. Поймите, Серпухов приедет завтра на репетицию.
- Этот козлина не дал еще ни копейки на театр, а глянь, уже припрется на репетицию, – недовольно скривился Карнаухов и махнул рукой: – Ладно, оставим Белову в покое! Пригласи ее ко мне. Возьму на себя сей тяжкий крест...
- Смотрите, Геннадий Петрович, как бы нам это боком не вышло, – поджала губы Зоя Аркадьевна и посмотрела на Алину: – Чисто по-дружески говорю, не с того начинаете, Алина Вадимовна!
- Конечно, Алина знала, что от завтруппой в театре зависит многое. Ей совсем не хотелось оказаться в эпицентре интриг и с первых же шагов в театре вступить в контры с этой дамой. Судя по ее замашкам, здесь она была в авторитете. Алина усмехнулась про себя. Отзвуки прошлого! Лексикон Степана! «Алинка! А ты у них в авторитете!» – шепнул ей муж на банкете по случаю премьеры «Ромео и Джульетты». И он был прав! Тогда ее искренне называли звездой российской сцены и не кривили при этом губы, как эта старая мымра с синими губами, которая ненавидит ее уже за то, что она молода и хороша собой и достигла такого успеха, который не снился Зое Аркадьевне даже в ее лучшие годы.
- Я начинаю с того, с чего и следует начинать, Зоя Аркадьевна, – она высокомерно вскинула голову. – Завтра я непременно буду на репетиции, даже если меня переедут дорожным катком. – Она поднялась на ноги. – Геннадий Петрович, вот вам мое заявление. – И, вынув

из сумочки сложенный вдвое листок бумаги, положила его перед директором. – Надеюсь, вы не передумали?

– Алина Вадимовна! – укоризненно протянул Карнаухов. – Главное, чтобы вы не передумали. Завтра я познакомлю вас с нашим главным режиссером Сережей Марковым. Талантливый парень, одна беда... – Он выразительно щелкнул себя по горлу и перевел столь же выразительный взгляд на завтруппой. – Теперь приходится совмещать административные функции с творческими, пока не найдем толкового администратора. Я ведь до этого кресла пять лет был художественным руководителем театра. До сих пор им и остался. Поэтому мы все утрясем, можете не волноваться!

Глава 9

Алина пообедала в небольшом кафе, выпила пару чашек кофе, выкурив при этом одну за другой две сигареты. После разговора с Карнауховым и Зоей Аркадьевной следовало перевести дух и обдумать, на что она себя обрекает, с ходу объявив войну устоявшимся традициям. Она прекрасно понимала, кем установлены эти традиции и кому они на руку, и догадывалась, что после ее ухода директору придется несладко. Зоя Аркадьевна не простит своего унижения и отыграется на Карнаухове сполна. И где гарантия, что он не изменит свое решение?

До клуба ковровой фабрики, который выглядел еще более жалко, чем театр, Алина добралась через час. Огромные липы, заслонявшие когда-то фасад клуба, вырубил, а на месте сквера оборудовали платную автомобильную стоянку, заставленную шикарными и не очень автомобилями.

Алина припарковала машину рядом с фургончиком, из которого полный мужчина с неопрятной шевелюрой вытаскивал лотки с хлебом и выпечкой, и спросила у него, где здесь находится музыкальная школа, потому что, как ни вглядывалась, соответствующей вывески не обнаружила.

– На втором этаже, – буркнул мужчина, даже не повернув головы в ее сторону.

– Спасибо, – поблагодарила она и направилась к входу в клуб.

– Не туда! – поправил ее мужчина. – Вход в школу с другой стороны.

«Ну вот, – усмехнулась она про себя, – и здесь культуру отправили в задницу...»

Алина послушно обошла здание и приятно удивилась. В отличие от театральных задворков она попала в симпатичный дворик, засаженный декоративными кустарниками. Его украшали деревянные скульптуры, альпийские горки и небольшой, уже отключенный фонтан. На выкрашенных во все цвета радуги скамейках сидели подростки с большими папками на коленях. На них были закреплены листы ватмана, и Алина догадалась, что это воспитанники художественной школы. Между ними расхаживал высокий худой человек. Длинные седоватые волосы его рассыпались по плечам. В руках он держал шляпу с широкими полями, которой всякий раз взмахивал, когда на мгновение останавливался возле того или иного ученика, и, склонившись, видимо, что-то советовал, а порой и подправлял в рисунке...

Ее догадку подтвердила вывеска рядом с входом, которая извещала, что здесь находится центр художественного образования и воспитания детей «Аэлита». За дверью открылся небольшой вестибюль, вдоль его стен располагались стеклянные витрины с изделиями учащихся центра. Чуть дальше, у ведущей на второй этаж лестницы, всю стену занимали акварели. На них юные художники запечатлели старинные здания Староковровска, храмы и женский монастырь, возведенный еще при Иване Грозном. Сколько помнила Алина, он лежал в развалинах, но, по рассказам тетушки, несколько лет назад его вернули церкви, которая и занялась восстановлением самой крупной и значительной достопримечательности города. И, судя по картинам, работы эти близились к завершению.

Долетавшие со второго этажа звуки музыки подсказали ей, что она на правильном пути. Алина поднялась по лестнице и оказалась в узком коридоре, в который выходили несколько дверей. Ближняя дверь распахнулась, и на пороге показалась высокая полная женщина. Она с любопытством посмотрела на Алину.

– Вам кого?

– Здравствуйте, – сказала Алина. – Я хочу видеть директора музыкальной школы.

– Я – директор, – ответила женщина, и глаза ее вдруг радостно блеснули. – Аля? Откуда?

– Оля? – в свою очередь обрадовалась Алина. – А я тебя не узнала!

– Да где уж тут узнать? – скептически усмехнулась Ольга. – Растолстела я, мать! Сама себя в зеркале не узнаю. – Она жестом показала на открытую дверь: – Проходи. Здесь мой кабинет.

Она пропустила Алину вперед и закрыла дверь на ключ, объяснив при этом, что иначе им не дадут поговорить спокойно. Затем показала гостье на широкое кресло возле окна, сама опустилась в соседнее. При этом она не сводила взгляда с Заблоцкой.

– А ты неплохо выглядишь, – наконец сказала она и спросила: – Чаю хочешь, а может, вина? По глоточку, а? За встречу?

– Прости, Оленька, я за рулем, – объяснила Алина. – Давай в другой раз. Я теперь в Староковровск надолго. И сейчас я к тебе по делу. Не хочу отвлекать тебя от трудов.

– А, – махнула рукой Ольга, – пустяки! Отвлекай, сколько душе угодно. Мы ведь с тобой лет пятнадцать не виделись. Сколько раз к тетке приезжала, а ко мне ни ногой. Все Терезу Романовну простить не можешь? Только от судьбы не убежишь. Слышала небось, что мой старый кобель натворил?

Алина молча кивнула.

Ольга покачала головой.

– И поделом мне! Но не думай, головой о стенку я не бьюсь. – Она раскинула руки. – И теперь я свободна, как птица! С кем хочу, с тем и живу! И занимаюсь тем, чем хочу! Никто ничего не требует, и, самое главное, я тоже никому и ничем не обязана!

– Я рада за тебя! – сказала Алина. – Все в прошлом. Я тоже кое-что поняла и сейчас тебя не осуждаю. Просто очень долго к этому шла.

– Думаешь, мне было легко? – Ольга посмотрела на нее исподлобья. – Я не меньше тебя любила Терезу Романовну. Они ведь со Стариковым спали-то в разных комнатах. Я по дурачости своей даже предположить не могла, что она так близко примет к сердцу, что мы с ее старикашкой...

– Но ты ведь не любила его? – Алина нахмурилась. – Неужели ты не смогла бы пробиться без его помощи?

– Аля, давай не будем? – умоляюще посмотрела на нее Ольга. – Я этой грязи нахлебалась досыта. Мне стыдно, я до сих пор места себе не нахожу от того, что натворила. И могилку Терезы Романовны я обихаживаю, этот хрен о ней даже не вспоминает. И снится она мне часто... – Ольга закрыла лицо ладонями и всхлинула. – Зачем ты пришла? И так пакостно на душе! Хуже некуда...

– Прости, – Алина погладила ее по плечу. – Я очень хотела тебя увидеть. Скучала, вспоминала часто, а теперь поняла, что, прощая, мы снимаем камень с души. И не только со своей, но и у того, чей камень гораздо тяжелее. Прости, у меня тоже не все гладко, и жизнь меня была едва ли не больнее, чем тебя.

– Я знаю, – Ольга подняла на нее заплаканное лицо. – Елена Владимировна рассказывала. – И спохватилась: – Так ты надолго, говоришь, приехала? А как же театр? Как тебя отпустили?

– Не отпускали, – вздохнула Алина. – Пришлось даже тайком уехать. Побросала все, детей в охапку и сюда, к тетке под крылышко. Сегодня пыталась на работу в театр устроиться...

– И как? – перебила ее Ольга. – Получилось?

– Не знаю, – пожала плечами Алина. – Карнаухов вроде готов взять. Даже роль Джульетты предлагал в премьерном спектакле, только завтруппой... Ты с ней знакома?

– А кто ж с ней не знаком? – усмехнулась Ольга. – Плохо тебе, подружка, придется, если ей не покажешься. Вижу по глазам, именно в этой старой мымре все проблемы?

– Похоже, ей очень не понравилось предложение Карнаухова. Если она убедит его, что он поступил опрометчиво, то этой роли мне не видать!

– А тебе что, других ролей мало? – удивилась Ольга. – Или ты думала, что тебя с распротертыми объятиями встретят? Это ты в столице – звезда! Это там с тобой считаются! А здесь свой террариум, свои пауки и змеюки. Белова с местным пивным королем года два уже живет в открытую. А Карнаухов перед ним ковриком стелется.

– Я в курсе, – Алина сцепила пальцы. – И на эту роль, честно говоря, не претендую, что предложат, то и буду играть. Жить как-то надо! Только мне показалось, что Карнаухов несколько переигрывал. Не люблю чрезмерные восторги, обычно это плохо заканчивается. Но на меня где наступишь, там и поскользнешься.

– Это правильно, – засмеялась Ольга. – На меня тоже многие пытались и наступить, и надавить, и порвать в клочья. Только где они? Я ведь скорая на расправу! А Карнаухов, всем известно, ни рыба ни мясо. На нем все ездят, кому не лень.

– Знаешь, театр произвел на меня тягостное впечатление. Все запущенное, грязное, унылое...

– А что здесь удивительного? – вздохнула Ольга. – Местным властям на культуру наср... У них одна отговорка: денег на социалку не хватает в бюджете. Они во дворце такие деньги дерут за аренду, на всю бы культуру хватило с лихвой. А они их на какие-то сомнительные шоу разбазаривают. То «мисок» выбирают, все наши девчонки помешались на этом, толпой в фотомодели рвутся, то КВНы... И это вся культурная жизнь. Театр в заднице, библиотеки по миру идут, книжки у населения Христа ради выпрашивают. Рокеры в чести, серьезная музыка – в загоне. Этот придурок, прежний директор комбайнового завода, от всего избавился, передал городу и жилой фонд, и больницы, и детсады. Те взяли, но надорвались. Половину садиков прикрыли, а лучшая в области больница превратилась в богадельню...

– Я кое-что знаю об этом, – улыбнулась Алина, – но давай оставим местные власти в покое! Лучше поговорим о чем-нибудь более приятном.

– О мужиках, что ли? – засмеялась Ольга. – Как у тебя с этим элементом? Есть на примете достойный экземпляр?

– Нет, с этим полная безнадега! Сейчас столько всего навалилось, что о личной жизни, тем более о мужиках, думать не хочется.

– Давай-ка лучше чайку попьем. – Ольга поднялась с кресла и подошла к небольшому книжному шкафу. Распахнула дверцу и достала электрический чайник. – Правда, я теперь только зеленый потребляю. Организм очищаю, а то, вишь, какой он толстый у меня.

– Оля, – с укоризной посмотрела на нее Алина, – ты классно выглядишь. Настоящая русская красавица.

– Не успокаивай, – скривилась Ольга. – Что-то поперло меня в последнее время в разные стороны. Гимнастика требуется, сама понимаешь какая, только хорошего тренера в нашей дыре днем с огнем не сыщешь.

– А ты пробовала искать? – улыбнулась Алина.

– Найдешь тут, – махнула рукой Ольга. – Порядочные – все подряд женатые, в любовницы им молоденьких подавай, а старичков уже мне не хочется. Навязывался тут один, под семьдесят лет... Нет теперь у нас выбора, подруга! Скоро и старички за милую душу сойдут!

Алина улыбнулась.

– Выходит, в Староковровске большой дефицит принцев?

– Сказала тоже – *принцев!* – скептически усмехнулась Ольга. – Не хотела я говорить, но ладно, покаюсь! Нашла я тут одного, почти принца. На семь лет моложе... Три месяца назад выгнала. Пиво пил да по кабакам шляется, молодых девок снимал. А я замучилась по портникам да по парикмахерским бегать. Форму держала. Ни тебе пирожного, ни кофе черного, чтобы цвет лица не испортить. Нет, принцев нам не надо. Теперь нам короля подавай! Только короли у нас все больше лысые да толстопузые. Цуранов тот же! Водочный король. Или Серпухов –

пивной! Но нам до них, как до луны. У этих королей свои принцессы имеются, и не одна. С женами развелись, вот и гарцуют, кобели.

– Что-то тебя в крайности бросает. То старичок под семьдесят, то молодой... – засмеялась Алина.

– А, – скривилась Ольга, – столько лет со стариком прожила, в привычку, кажется, вошло слабые мощи к жизни возрождать. Больше не хочу! Знаешь, что мне новая девка Старикова кричала, когда я на нее сдуру наехала? «Я молодая, а ты старуха!» Не поверишь, это меня отрезвило. «Послушай, дуручка, – сказала я ей, – когда ты доживешь до моего возраста, Стариков будет писать в постель, а тебе придется менять ему памперсы». Сказала и словно по-другому на мир взглянула. Я теперь уже ничего не хочу! Кончилось мое хотение. – Она включила чайник и вернулась в кресло. – Куришь?

– Курю, – кивнула Алина, – но собираюсь бросить. Кашляю, и голос портится...

– Да, тяжело тебе придется, – покачала головой Ольга. – Считай, заново нужно начинать!

– Мне не привыкать, но, может, посоветуешь, где здесь можно подработать? Кружок какой-нибудь или в колледже культуры?

Ольга посмотрела на нее и скептически фыркнула.

– Кружок! Кому он на фиг нужен твой кружок! За кружки гроши платят, и все ставки наверняка расхватаны. В колледже та же самая история... Педагоги грыжу зарабатывают, но лишний час не упустят. По две ставки нахватили. Дым из ушей валит, но попробуй часок отнять... Деньги крошечные платят, вот и надрываются сердешные. Конечно, я подумаю, может, открою у себя в школе класс театрального мастерства, но это сколько бумаг надо оформить, да и наберем ли учеников, чтобы хотя бы тыщи три тебе платить.

– Это не выход, – вздохнула Алина. – Когда еще это случится, и случится ли вообще...

– Вот видишь, ты сама все прекрасно понимаешь. – Ольга развела руками. – Но это все, чем я могу помочь. Тех копеек, что родители платят за своих отпрысков, едва хватает на аренду да зарплату педагогам, а ведь от налогов нас никто не освобождал.

– Полину мою возьмешь к себе? Фортепьяно, шестой класс... Конечно, если оплата окажется посильной.

– Я могу и в долг взять, расплатишься, когда деньги появятся.

– Нет, в долг не надо. На учебу дочери денег у меня наберется.

– Ну, смотри! – Ольга смерила ее внимательным взглядом. – Газетчики еще не докучали?

– Ничего, газетчики для меня не проблема. Научилась с ними разговаривать.

– Отчаянная ты баба! – Ольга окинула ее подчеркнуто восхищенным взглядом. – Все воюешь! Не надоело?

– Надоело, поэтому и домой вернулась.

– Не забывай, что у нас омут. Затянет, не выберешься, а еще говорят: в любом тихом омуте свои черти водятся.

– А я против чертей слово знаю. – Алина поднялась из кресла. – Прости, надо домой! Тетушка сегодня Полинку в школу устраивала. Надо узнать, что получилось.

– Поезжай, – Ольга грустно улыбнулась. – Столько лет не виделись, а встретились, все о какой-то ерунде говорим.

– Это от неожиданности, – улыбнулась в ответ Алина и обняла подругу. – Приезжай сегодня вечером в гости. Чайку попьем с тетушкиным вареньем, поболтаем. Приезжай или занята вечером?

– Да какое там «занята»? Разве кошку накормить? Так что накормлю и приеду.

– Вот и хорошо. Дорогу, надеюсь, не забыла?

– Не забыла. – Ольга громко высморкалась в носовой платок и деловито справилась: – Бутылочку прихватить?

– Прихвати, только учти: тетушка обидится. Она уже суетится, стол готовит. До вечера!

– До вечера! – Ольга проводила ее взглядом и ответила вялым взмахом руки на Алинин прощальный жест от порога.

Дождавшись, когда за Алиной захлопнется дверь, Ольга подошла к столику, залпом осушила бокал вина и, секунду подумав, опорожнила второй. Опустившись в кресло, она достала из пачки сигарету. Щелкнула зажигалкой и долго-долго следила за слабым язычком пламени, пока не обожгла палец.

Глава 10

– Что-то на тебе лица нет? – всполошилась тетушка, стоило Алине показаться на пороге. – В театре отказали?

– Не отказали. – Алина сняла куртку, да так и осталась стоять в прихожей. Она никак не могла понять, что за дурные предчувствия гложут душу? Ведь и вправду не отказали, только радости в этом было немного.

– Не отказали, – повторила она и поцеловала тетушку в щеку. – Взяли с распростертыми объятиями.

– И все-таки ты чего-то недоговариваешь, – обеспокоенно сказала Елена Владимировна, принимая из ее рук куртку. – Иди переоденься, ребята заждались уже. Обедать не садятся без тебя.

– Это что-то новенькое, – улыбнулась Алина, – обычно они обходятся без церемоний.

– Полинку я устроила в школу, – почему-то шепотом сказала Елена Владимировна. – Пообещали сделать запрос по поводу документов в Москву.

Алина остановилась на полпути в ванную.

– Как бы нас не вычислили по этому запросу. Ты еще не знаешь этих типов...

– Но что же делать? – Елена Владимировна растерянно посмотрела на нее. – Может, обойдется?

– Может, и обойдется, – вздохнула Алина, – Полине надо учиться, и тут уж ничего не попишешь.

– Москва большая, одних школ несколько тысяч. – Тетушка, похоже, пыталась убедить саму себя, но это у нее плохо получилось, и она спросила дрожащим голосом: – Думаешь, они сюда нагрянут?

– Я уже ничему не удивлюсь, – Алина обняла ее за плечи. – Если близкая подруга оказывается пособницей бандитов, что ожидать от каких-то чиновников? Они тебя за сто рублей продадут со всеми потрохами. Кстати, – она весело посмотрела на Елену Владимировну, – сегодня я встретила с Ольгой. Очень даже мило поболтали. Правда, она меня предупредила, что мои умения здесь вряд ли найдут применение, кроме театра, конечно. Другой работы здесь попросту нет.

– Я так и думала, – пригорюнилась тетушка, – все денежные места давно заняты.

– Ничего, тетя Лена, – Алина обняла ее за плечи. – Жизнь ведь она полосатая. Пройдет черная полоса, и обязательно наступит светлая. Где наша не пропадала!

– Алина, не хотела я тебе раньше времени говорить. – Тетушка решительно поджала губы. – Я тут одно местечко нашла подработать, чтобы тебе помочь. Приятельница посоветовала. Так что видит бог: не пропадем!

– Какая работа? Даже не думай! Найдется, кому работать, а тебе забот по дому хватает!

– Алина, ты что, совсем меня за старуху держишь? – Тетушка толкнула ее в плечо и засмеялась. – А меня еще и сватают. Целых три претендента на мою руку и сердце.

– Тетушка! – Алина взмахнула руками и опустилась на стул в прихожей. – Так это ж здорово! Я так за тебя рада!

– Да бог с ними, с соискателями. – Елена Владимировна присела рядом и обняла ее за плечи. – Я уже отработанный материал, а тебе еще жить да жить!

– Ладно, мы об этих претендентах еще поговорим, – засмеялась Алина. – Посмотрим, что за кавалеры у моей тетушки.

– Скажешь тоже, кавалеры, – смутилась Елена Владимировна. – Кавалеры с валидолом в кармане... – И засуетилась. – Давай уже к столу. Я тебя со своей приятельницей познакомлю.

Пришла она ко мне за советом, а я обедать ее оставила. Оказывается, она с твоими ребятами знакома...

Они вошли в столовую, и Алина первым делом заметила близнецов, которые сидели рядом на диване, привалившись с двух сторон к незнакомой женщине в брюках и в пушистом свитере. Все трое увлеченно рассматривали книжку с яркими картинками.

– Мама, мама пришла! – завопили мальчишки, стоило Алине появиться на пороге. Бросив свое занятие, они повисли на матери.

Женщина подняла голову и улыбнулась Алине.

– Вот, оказывается, кого я кашей кормила...

И тут Алина узнала ее. Официантка из придорожного кафе...

– Знакомься, Аля. Это Светлана, моя соседка. – Елена Владимировна подхватила внуков за руки и подвела их к столу. – Полина! Лида! Обедать! – крикнула она в глубь дома.

Первой на пороге появилась Полина. Она заплела волосы в косу, глаза ее сияли.

– Мама! Я буду учиться в лучшем классе, у лучшей учительницы. Мне Ирина Яковлевна сказала, директор гимназии...

– Ты уже училась сегодня? – спросила Алина.

– Да, с двумя девочками подружилась, мы вместе домой возвращались. Они тебя в сериале «Дело чести» видели и все расспрашивали, бывала ли я на съемках. Я сказала, что иногда снималась в эпизодах...

Все это дочь выпалила скороговоркой, и Алина порадовалась, что с лица дочери исчезло мрачное выражение.

– Хорошо, после обеда ты мне все подробно расскажешь. – Алина поцеловала дочь в лоб и посмотрела на Светлану. – Присаживайтесь к столу, сегодня мы вас угощаем.

– Славные у вас ребяташки, – сказала Светлана, усаживаясь рядом с Еленой Владимировной. – А я, каюсь, вас не признала. Кто ж мог подумать, что в нашей дыре такая знаменитость появится?

– Что вы все «знаменитость» да «знаменитость»? – В столовую вихрем ворвалась Лида. Она чмокнула Алину в щеку и уселась рядом с ней. – Меня в колледже тоже все замучили расспросами. Сарафанное радио четко работает!

– Чего-чего, но не от меня это пошло, – улыбнулась Светлана. – Если б я вас и узнала, зачем попусту языком болтать.

– Да пусть болтают, – тетушка подала Алине тарелку с супом, – ешь лучше. А на каждый роток не накинешь платок. – И спохватилась: – А вино? Совсем про вино забыла. – Она достала из холодильника бутылку. – Винцо у меня самодельное, смородиновое. За твой приезд, Алина, надо выпить обязательно.

Она разлила вино по бокалам, но выпить его не успели. Раздался резкий звонок в дверь, и Елена Владимировна выглянула в окно.

– А вот и Ольга твоя, легка на помине!

Она накинула на плечи пуховую шаль и вышла в прихожую.

Светлана неловко улыбнулась:

– У вас тут свои разговоры. Я лучше в другой раз забегу.

– Что-то случилось? – поинтересовалась Алина.

Она с детства знала об одной тетушкиной особенности: собирать вокруг себя обиженных, успокаивать их и по мере сил помогать и защищать.

– У меня, слава богу, все в порядке, а вот с дочерью ума не приложу. Устроилась в дом к нашему новому директору завода домработницей, неделю не проработала, как велели убраться. Не по нраву пришлась...

– Она сказала вам, по какой причине ее уволили?

– Известно, по какой причине, – вмешалась Лида. – Умная она девка и красивая. Эта мымра постаралась. В городе говорят, что она директора на себя тянет.

– Какая мымра? – удивилась Алина. – Его подруга?

– Да какая там подруга? – скривилась Светлана. – Не знаю, чем она занимается на заводе, а прислугу в дом именно она нанимает. Мою Таньку чисто случайно приняли. У меня знакомая в кадрах работает. Эта мымра, – она покосилась на Лиду, – в командировке была и проглядела. А вчера вышла на работу и сразу в крик, что ее приказ нарушили. Говорят, теперь указание вышло – пожилых женщин на работу принимать. Вот ваша тетушка тоже хочет попробовать. Там хорошо платят, но работы много. Домина огромный, а обслуги раз-два и обчелся.

Алина посмотрела на Лиду.

– Это правда, насчет тетушкиных планов?

Та пожала плечами.

– Я ее отговаривала, а она ни в какую. Дескать, лишние деньги нам сейчас не помешают. Эта су... гадина эта, конкурс объявила, собеседование будут проводить с теми, кто пожелает в директорские домработницы наняться. Я тоже хотела попробовать, зарплата официантки сами понимаете какая, но мне все равно ничего не светит, – вздохнула Светлана. – Нужно, чтобы интеллигентная была и не моложе пятидесяти лет. Видно, боится, что директор на молоденькую внимание обратит. – Она покачала головой. – Можно подумать, на работе у него молодых девок мало. И не с грязной тряпкой да веником в руках, а с маникюром и разодетых, как картинка. – Она вздохнула. – Думала, Танька моя хоть приоденется немного. На одну зарплату четверых тяжеловато тянуть. У старшей дочери вон сыну едва годик исполнился, а мужик загулял, спутался с одной артисткой... – Она с испугом посмотрела на Алину. – Простите, ради бога. Я ничего дурного не имела в виду.

– Да какая она артистка? – пренебрежительно хмыкнула Лида. – Аккомпаниатор в филармонии. Копейки получает...

– Поэтому Изольда эта к нашему Сашке и прилепилась. Он – дальнобойщик, деньги хорошие получает, часто в командировках бывает. Из поездки что-нибудь да привезет. Вот и окрутила, чертова девка! – Светлана покачала головой и горестно вздохнула.

– Тетя Света, не убивайтесь! И гоните вашего Сашку в шею. – Лида погладила Светлану по руке. – А зятек ваш останется у разбитого корыта. На таких девках, как Изольда, не женятся, с ними только трахаются!

– Лида! – вскрикнула Алина. – Выбирай выражения! – И показала глазами на детей.

– Что я, маленькая? – пожала плечами Полина. – Кино не смотрю...

– А я знаю, что такое «трахаются», – живо перебил сестру Степка. – Это когда две машины сталкиваются. Трах, и вдребезги!

Лида расхохоталась, Алина же ничего не успела сказать, в столовую вошли Елена Владимировна и Ольга. Несколько минут ушли на восторги. Ольга расцеловала Полину, взъерошила вихры близнецам. Она раскраснелась, глаза ее блестели, когда села рядом с Алиной.

– Я тебе завидую, подруга. Такое славное семейство сообразила.

Тетушка захлопотала возле нее, а Ольга, потирая ладони, оглядела стол.

– Давненько я столько вкусенького не ела. Одной себе лень готовить, вот и пробавляюсь то пельменями из магазина, то блинчиками. Оттого и прет во все стороны. – И перевела взгляд на Светлану. – Слышала, что Ритуля твою Татьяну выжила? Что за вредная бабенка! Весь город говорит, что она на директора глаз положила.

– Таким всегда везет! – вздохнула Светлана.

– Нужна ему эта швабра! – фыркнула Лида. – Ей ведь лет сорок уже? Совсем старуха!

Ольга и Алина переглянулись и рассмеялись. И Ольга преувеличенно тяжело вздохнула:

– Скоро и нас в старухи запишут. Тридцать четыре – почти стариковский возраст.

– Если за ум не возьметесь, то и запишут, – поджала губы Елена Владимировна. – Сами о себе не позаботитесь, никто в этом деле не поможет.

– Не надо об этом, – тихо сказала Алина и покосилась на Полину. Дочь чересчур внимательно вслушивалась в их беседу.

– Детям отец нужен и тебе опора, – не сдавалась Елена Владимировна, – я не вечная...

– Ишь, не вечная, – с ехидством заметила Лида и подмигнула Алине. – А сама с чего вдруг вздумала в этом конкурсе участвовать? Я Алине все рассказала... Или тоже на директора глаз положила?

– Ах ты! – Елена Владимировна замахнулась на нее столовым полотенцем. – Ни капли уважения, болтушка!

– И правда, тетя, что это за души прекрасные порывы? – строго спросила Алина. – В какие домработницы ты собралась устраиваться? С твоими суставами? Не выдумывай!

– Алюшка, – смутилась Елена Владимировна, – никто же не говорит, что именно меня возьмут! И что суставы? По дому я копошусь, одна почти ремонт сделала. И потолки побелила, и обои наклеила...

– Тетя, не хватало, чтобы ты в батрачки записалась. – Алина закусил губу. – Если дело только во мне и в детях...

– Ну, понеслось, – огорчилась Елена Владимировна и посмотрела на Ольгу и следом – на Светлану, словно искала у них поддержки. – Я же хотела как лучше. Зарплата там приличная, говорят, пятьсот долларов. Где такую в городе найдешь?

– Тетя, прекрати! – Алина ударила ладонью по столу. – Свои проблемы я буду решать сама. И в услужение ты ни к кому не пойдешь! Я все равно найду возможность заработать.

– Ну, смотри! – Елена Владимировна пожала плечами. – Только когда еще такая возможность появится...

Алина выразительно на нее посмотрела. И тетушка подняла ладони вверх:

– Все, все, сдаюсь! – и переключилась на детей: – А у кого это ложки до сих пор сухие? Суп уже остыл, быстро все доедайте, иначе котлеты не получите.

Лида тем временем собрала со стола грязную посуду и отнесла ее на кухню. И тут же принесла два блюда, одно с котлетами, а другое с гарниром – жареным картофелем.

– Тетушка, ты, видно, откормить нас решила? – поразилась Алина. – Куда столько всего?

– Ешьте, сколько душа пожелает, – довольно улыбнулась Елена Владимировна. – Катя нам полсвиньи прислала, в деревне можно купить мяса подешевле, и свою свинку к ноябрьским праздникам, как подморозит, нарежем.

– Зарежем? – Никитка уставился на бабушку. – Живую свинку нарежем? Ей же больно?

– Что поделаешь, – развела руками тетушка, – люди не могут жить без мяса.

– Не буду я есть котлеты. – Сын отодвинул от себя тарелку. – Мне свинку жалко.

– Не ешь, только тогда и колбасу не ешь, и сосиски, и пельменей больше не проси, – проворчала Полина.

– Не хочешь мяса, ешь капусту, – сказала Алина. Она знала, что сказать. Более всего на свете Никита не любил тушеную капусту и лук в супе.

– Ладно, давайте котлету, – надулся Никита и неохотно взялся за вилку.

А Елена Владимировна попыталась перевести разговор в другое русло.

– Светлана, – посмотрела она на соседку, – может, тебе на самого директора выйти? Он небось и не знает, по какой причине Татьяну уволили!

Светлана вздохнула и печально улыбнулась:

– Что ж мне, под колеса его машины бросаться или возле дома караулить? Так его охрана мигом меня под зад коленкой. Даже пытаться не стоит.

– До него, как до неба, не добраться. – Ольга покачала головой. – Я сколько раз пыталась к нему на прием записаться по поводу своей школы, может, и помог бы, но бесполезно! Эта

крыса Маргарита всех еще на дальних подступах отсеивает. Дескать, ему не до наших проблем. Оне там все поверху летают, завод возрождают.

– И я о том же, – махнула рукой Светлана. – Можно подумать, он станет заниматься какой-то домработницей. Одну выгнали, вторую найдут. Для них это не проблема.

– А почему он не женится? – вклинилась в разговор Лида.

Ольга с недоумением посмотрела на нее и расхохоталась:

– Лида, а может, ты попробуешь клинья к нему подбить? А что? Очень хорошее решение проблемы!

– Нужен он мне, – фыркнула Лида. – Старый, вредный и заносчивый.

– А по мне так в самый раз! – мечтательно закатила глаза Ольга. – Уж я бы показала ему большой секс в нашем небольшом городе.

– Оля! – осуждающе посмотрела на нее Елена Владимировна и перевела взгляд на Лиду:

– Сходила бы ты с ребятами прогуляться. Что вам до взрослых разговоров?

– У меня уроки, – быстро сказала Полина. – Завтра контрольная по английскому языку, не хочу с первого дня опозориться.

– А мы без тебя пойдем, с Лидой! – обрадовались близнецы. – Она нам лошадок покажет!

– Каких еще лошадок? – удивилась Алина. – Вы что, лошадок не видели?

– Я их на ипподром свожу, – слегка сконфузилась Лида и бросила быстрый взгляд на Елену Владимировну. – Можно? Егор их покатаать согласился.

– Так бы сразу и сказала, что Егор, – притворно-сердито проговорила тетушка. – Соскучилась уже. Сколько не виделись, день или два?

– Тетя Лена, – покраснела Лида, – скажете тоже. У меня тренировка через полчаса...

– Вот придумала, – Елена Владимировна перевела взгляд на Алину. – На лошадей ее потянуло. То в колледже допоздна, а чуть минута свободная, на ипподром свой мчится.

– Ничего, это дело полезное, – подала голос Светлана. – Кони – они светлые, чистые, хорошего человека лучше нас различают.

– Иди, Лида! – кивнула Алина. – Только смотри, чтобы эти хулиганы под копыта не попали.

– Не попадем! – дружно поклялись близнецы и преданно посмотрели на Лиду. – Мы тебя слушаться будем! Честное-пречестное слово!

Через четверть часа, когда стихли шум и возня в прихожей, Алина и Ольга, оставив Елену Владимировну и Светлану допивать чай с пирогом, поднялись на второй этаж.

– Присаживайся, подруга, – сказала Алина, опускаясь на диван в гостиной, и хлопнула ладонью рядом с собой. – Можно спокойно поболтать.

– Можно, – улыбнулась Ольга и достала пачку сигарет. – Закурим? И ты мне расскажешь, что у тебя приключилось, почему ты, в конце концов, оказалась в Староковровске?

– Расскажу. – Алина прикурила от зажигалки и некоторое время смотрела на огонек, который горел ровно, не колебался. Потом вздохнула и принялась рассказывать Ольге о своих злоключениях. Впервые ничего не скрывая, даже своих страхов и опасений. Единственное, что она утаила, так это встречу с Мистером Иксом на раздолбанной дороге.

Глава 11

Ночью Алина плохо спала. На улице завывал ветер, гремел оторванным куском железа на сарае, метались тени деревьев, дребезжали оконные стекла, от резких порывов распахнулась форточка, и потянуло холодом. Когда Алина подошла к окну, чтобы захлопнуть форточку, то увидела, что на улице разыгралась настоящая метель. Снег валил по-зимнему обильно, и она вздохнула. Вот и зима пришла, самое нелюбимое время года!

Накинув халат, она спустилась на кухню и, чтобы не тревожить домашних, включила чайник, не зажигая свет. Мигали зеленым светом часы на холодильнике, в доме было тихо, лишь из темного угла доносились слабые шорохи. Там стояла коробка, в которой кошка Маркиза устроилась со своим семейством – тремя крошечными котятками. Вечером произошел небольшой скандал. Степка и Никита все порывались рассмотреть котят поближе, отчего Маркиза пришла в сильное беспокойство и принялась перетаскивать малышей в прихожую, подальше от цепких рук близнецов. Котята подняли крик, Полина расстроилась и отругала мальчишек. Они бросились жаловаться Елене Владимировне, а та, неожиданно для них, встала на сторону внучки.

Близнецы надулись. Вернувшись с ипподрома, они с часок поиграли в лошадок и всадников, но вскоре устали и принялись допекать Лиду просьбами взять их завтра с собой на ипподром. Однако она улизнула в свою комнату готовиться к семинару. Полина хотя и покончила с уроками, но устроилась рядом с бабушкой, и они с упоением смотрели какой-то сериал, в котором было много взрывов, стрельбы и криков.

Алину домашние единогласно постановили не тревожить. Проводив Ольгу, она решила отдохнуть и, если получится, вздремнуть. Езда по городу, бесконечные разговоры и дурные предчувствия, что не все идет так гладко, как она предполагала, вымотали ее окончательно. Она и впрямь очень быстро задремала, ей показалось, всего на секунду, потом свара на первом этаже заставила ее спуститься вниз.

Небольшой воспитательный скандал с сыновьями окончательно перебил ее сон. Маркиза успокоилась и теперь с тихим мурлыканьем вылизывала котят. А вот Алина, как ни силилась, уснуть не смогла. Ночью события приобретают точно такую же мрачную окраску, как и все в природе. Тем более если они и так не слишком веселые.

Алина налила чаю в большую фаянсовую чашку, закурила и подошла к окну. Ветер за окном притих, но снег повалил хлопьями. Она стояла возле окна и наблюдала, как покрываются белым почерневшая от холода земля, клумбы, погрустневшие сентябринки, крыши соседних домов и ее «Жигули», которые она поленилась загнать в сараюшку.

Тут она вспомнила Карнаухова и то, как он подобострастно заглядывал в глаза Цуранову, чуть ли не ковриком под ноги ложился, а тот цедил слова сквозь зубы, высокомерный, тупой индюк, наживший свои богатства явно несправедным путем.

– Аля, почему без света сидишь? – голос тетушки прервал ее мысли. – Смотри, не выспишься!

Елена Владимировна в одной ночной сорочке, с накинутой на плечи теплой шалью, вошла в кухню и включила светильник над обеденным столом. Затем присела напротив и, подперев щеку рукой, посмотрела на племянницу:

– Заснуть не можешь? Видно, Ольга растревожила?

– И Ольга, и не только Ольга... – Алина затушила сигарету в пепельнице, одним глотком допила чай и строго посмотрела на тетушку. – Надеюсь, ты раздумала идти к директору в домработницы?

– Алиночка, деточка. – Елена Владимировна укоризненно покачала головой. – Я все со всех сторон просчитала. Попытаюсь, за это по лбу не ударят. Пока здоровье есть, обузой не хочу быть.

– Это кто кому обузой... – вздохнула Алина. – Это я, как снег на голову, со своим семейством. Жила ты, не тужила, а теперь хлопот полон рот.

– А они мне в радость, – тихо сказала Елена Владимировна, – и не смей себя укорять. Время сейчас такое: в одиночку мигом пропадешь. Но ничего, потихоньку, полегоньку выкарабкаешься. Молодая, красивая, талантливая. Тебе и карты в руки!

– Талант... – усмехнулась Алина. – Его бы на хлеб вместо масла намазать, вот бы польза была. А так что мне от этого таланта? Только и остается, что завклубом устроиться или мас-совиком-затейником.

– А ты себя не принижай, – рассердилась тетушка. – Давай настраивайся по-боевому! – приказала Елена Владимировна. – Тебе в театр идти! Учти, мало кто будет рад твоему появлению! Как по минному полю пойдешь!

– Я в этом не сомневаюсь, – усмехнулась Алина, – только я закаленная. Интриги, зависть... Думаешь, в столице этого меньше? Как-нибудь справлюсь! – Она посмотрела на часы. – Раньше одиннадцати Карнаухов все равно не появится, а дожидаться его под дверями на всеобщую потеху я не собираюсь. Встану пораньше, приму душ и приведу голову в порядок. – Она мельком глянула в зеркало. – И макияж наложу. Боевую раскраску, чтобы всем врагам тошно стало!

– Ты только не волнуйся! – засуетилась Елена Владимировна. – И за мальчишек не беспокойся! Я их и завтраком накормлю, когда проснутся, и погуляю с ними, и постираю, если что грязное имеется.

– Не смей стирать! У меня что, рук нет? – Алина подозрительно посмотрела на тетушку. – И давай наконец договоримся, что на кастинг домработниц ты не пойдешь!

– Кастинг? – поразилась Елена Владимировна. – Какой кастинг? Просто собеседование...

– Тетя, я обижусь!

– Ладно, ладно. – Тетушка разочарованно вздохнула. – Такие деньги неизвестно кому достанутся.

– И пусть достанутся, – улыбнулась Алина, – тем, кому они во сто крат нужнее.

– Зря ты, – укоризненно посмотрела на нее тетушка, – нам-то они как раз и нужнее. И в кого ты такая упрямая, не пойму? Уперлась рогом в землю...

– Потому и уперлась, – тихо сказала Алина, – что до нашего появления ты ни о какой работе не помышляла. Ты что же хочешь, чтобы какая-то выдерга по углам за тобой пыль проверяла беленьким платочком? Ты себя перестала уважать, тетя?

– После меня пыли не будет. – Елена Владимировна гордо вздернула подбородок.

– И все равно прекрати даже мечтать об этом! Я тебя умоляю, забудь об этой работе! Иначе мы вернемся в Москву. Я не хочу, чтобы ты надрывалась, пахала на этого богатея! Не хочу, чтобы тебе указывали, попрекали, разносы устраивали... Надо будет, я всегда подработку найду. Хоть те же полы пойду мыть к Ольге в школу. Надеюсь, не откажет подруге.

– Господи! – Тетушка перекрестилась. – Наставь эту дурочку на путь истинный! Ты сама поняла, что сказала?

– Все, все поняла! – Алина рассмеялась. – И не смей на меня сердиться.

– Да уж! – Тетушка пожала плечами и тоже посмотрела на часы. – Беги уже, а то не выспишься. – И не удержалась, перекрестила племянницу. – Бог не Яшка, видит, кому тяжело. Поезжай в церковь, прежде чем к Карнаухову идти, да свечку поставь Богородице, попроси у нее помощи. Да поклонись ей до земли, спина, чай, не переломится.

– Заеду в церковь, обязательно заеду, – серьезно сказала Алина. – Я и сама об этом подумала... Лишь бы не проспать!

– Не бойся, я разбужу! – Тетушка поставила чашки в раковину. – Утром помою, а то тоже в сон потянуло. – И она выключила светильник.

Алина направилась в свою спальню. Ее нестерпимо клонило ко сну, глаза слипались. И уже через пять минут она заснула в своей постели, впервые спокойно, без долгих и тягостных раздумий.

Глава 12

Погода стояла отвратительная. Дождь вперемешку со снегом и резкий ветер. Алина остановила машину на стоянке возле супермаркета, метров за триста от собора. И некоторое время тщетно пыталась заставить себя выйти из машины. Выкурила сигарету, нажала на кнопки мобильного телефона, проверяя, нет ли пропущенных вызовов, хотя все нежелательные номера были заблокированы, а желательных пока не наблюдалось. Она вздохнула и выключила телефон. Как ни крути, а идти надо...

Порывом ветра закрутило полы пальто, она сразу же озябла и поспешила к собору, придерживая рукой шляпку на голове. Дорогу ей преградила толпа старушек и пожилых женщин в платках и темных одеяниях. Они толпились у ворот храма, но внутрь церковного двора почему-то не проходили.

– Что происходит? – спросила она у старушки, которая оказалась к ней ближе всех.

Та деловито высморкалась и недовольным голосом сообщила:

– Чего удумали! Охрану выставили! Отродясь такого не бывало, чтоб в храм господний не пущдали! Совсем совесть потеряли! И отец Иннокентий туда ж!

Бабки вокруг возбужденно заговорили, обращаясь все разом к Алине, то ли искали у нее сочувствия, то ли просто обрадовались поводу высказать обвинения в адрес батюшки, посмевшегося держать их на холоде вместо того, чтобы открыть двери храма для прихожан.

Из их гневных выкриков Алина ровным счетом ничего не поняла и, приподнявшись на цыпочки, вытянула шею, чтобы разглядеть, что происходит в церковном дворе. Похоже, ворота были заперты изнутри, а на крыльце собора стояли два высоких молодых человека в длинных черных пальто. У одного в руках виднелась рация, и он, слегка отвернувшись, что-то говорил в микрофон, второй же, заложив руки за спину, с невозмутимым видом взирал на толпу.

«Понятно, – подумала Алина, – кто-то из местных шишек приехал грехи замаливать». И она уже отступила назад, намереваясь вернуться в машину. Но тут двери собора распахнулись, молодые люди сбегали вниз по ступенькам, и толпа у ворот облегченно вздохнула. Старушки принялись креститься и бормотать что-то синими от холода губами. Видно, благодарили господа, что услышал их молитвы.

Из дверей показалась группа мужчин, одетых во все черное. На крыльце они остановились, как по команде повернулись и перекрестились на икону при входе в храм. Затем столь же дружно надели шляпы и кепки и стали спускаться по ступеням. Толпа верующих качнулась вперед, увлекая за собой Алину. А стоявшая рядом старушка бойко заработала локтями, освобождая себе дорогу, и тем невольно помогла Алине оказаться на пару метров ближе к церковной изгороди. Сквозь чугунную решетку она наблюдала, как мужчины миновали церковный двор, но прошли не к воротам, а через побитый заморозками газон к небольшой калитке. За ней впритык к забору стояли три иномарки. Очевидно, к ним они и направлялись.

– Ишь, бандюки! – с осуждением покачала головой уже знакомая ей бабулька. – Грехи замолили и опять за свое!

– Бандюки? – удивилась Алина. – Откуда вы знаете?

– А кто ж оне? – удивилась бабулька и мелко захихикала, явив миру новенькую вставную челюсть. – Оне теперича так и ходют, сама в кино видела...

Она говорила что-то еще, но Алина уже ее не слушала, забыв на время и о холоде, и о мерзости, что, не утихая, падала с неба.

Один из мужчин, тот, что шел первым, замедлил у калитки шаг и, открыв ее, посторонился, пропуская остальных. При этом он снял шляпу, вытер лицо носовым платком и тотчас надел ее опять. Но ей хватило пары секунд, чтобы узнать его. Седые волосы, широкие плечи... Это ж Илья, тот самый Илья, к которому она обратилась за помощью у необъятной лужи...

Сердце ее екнуло и забилося быстро-быстро. Если Илья здесь, то наверняка Мистер Икс тоже в этой компании. Ей крайне не понравилась своя реакция: она уже тянула шею, чтобы разглядеть, что происходит возле калитки. Но тут распахнулись створки ворот, и толпа устремила к храму, увлекая ее за собой.

Поднявшись на крыльцо собора, Алина оглянулась: иномарки исчезли. За шарканьем ног и бормотанием старух она не расслышала шума моторов. И снова вздохнула. И слава богу! Были там Мистер Икс или кто-то не менее важный, какое ей, спрашивается, дело? И все же под ложечкой засосало. Верно, ее все-таки задело, и гораздо сильнее, чем нужно, бабкино замечание про «бандюков». Было ли это сказано сгоряча, или старуха действительно что-то знала об этой компании, Алина выяснять не собиралась, но подумала, что бабкины слова наверняка недалеко от истины.

* * *

Из церкви она направилась в театр, и всю дорогу ее не оставляло беспокойное чувство. Она старалась думать о предстоящем разговоре с Карнауховым, но мысли вновь и вновь возвращались к Илье. Нет, он совсем не походил на «бандюка», но разве она не ошиблась, приняв когда-то Степана за порядочного человека? А те в придорожном кафе, кого она посчитала чиновниками или начальниками средней руки, разве не могли они с тем же обожанием взирать на местного криминального авторитета, который платит им более щедро, чем родное государство? Но, может быть, она не права, и Мистера Икса возлюбили по другой причине, не связанной с криминалом? Конечно, в это верилось с трудом. В наше время только денежный интерес способен заставить чиновников столь ласково и нежно кому-то улыбаться...

Она резко вывернула руль, чтобы не столкнуться с вынырнувшей из-за угла иномаркой, и выругалась про себя. Черт! Лихой водитель чуть не задел ее «Жигули». И тогда она приказала себе не забивать голову всякой ерундой. У нее своих забот выше крыши, и нет ей никакого дела ни до Ильи, ни до его хозяина.

Она миновала Дворец культуры и свернула на боковую улочку, чтобы сократить дорогу к театру. Здесь ее обогнал крутой, сверкавший, как новая монета, внедорожник. Из-за него она вынуждена была прижаться к тротуару и чуть было не зацепила бордюрный камень. У Алины окончательно испортилось настроение. Что за невезуха сегодня! Сплошные иномарки на ее бедную голову!

Внедорожник свернул влево, Алина вправо и остановила «жигуль» при въезде на задний двор театра. Она закрыла машину и почти бегом направилась к уже знакомому крыльцу. На вахте вместо Карины Борисовны дежурил старик с сивыми, но по-гусарски торчащими вверх усами. Поверх старенькой кацавейки он накинул пуховую шаль и неодобрительно посмотрел на Алину, когда она появилась на пороге.

– Дверь плотнее прикройте! Дует! – буркнул он сердито. – Здесь вам не улица!

– Простите! – Алина хотела снять шляпку, чтобы стряхнуть с нее влагу, но не посмела, чтобы старик снова ни вспомнил про улицу. Правда, от мокрых следов, которые оставляли ее сапоги, она никак не могла избавиться, и, оттого чувствуя себя виноватой, подошла к вахтеру. Странное дело, но перед вахтерами она всегда испытывала робость, вероятно, это пошло со студенческих времен.

Алина приказала себе не распускаться и решительно направилась к стойке. Старик пробуравил ее бледно-голубыми глазками, утонувшими в складках кожи.

– Вы к кому, гражданка? – строго спросил он. – У нас здесь по пропускам.

Вчера Карина пустила ее без всякого пропуска, но Алина не стала спорить, иначе пришлось бы долго объясняться. А старик был явно из тех часовых, кто точно блюдет устав караульной службы.

– Мне к Карнаухову, – сухо ответила она. – Вчера мы встречались, и он пригласил меня уточнить сегодня кое-какие вопросы.

– Фамилия! – рявкнул вахтер и поднял трубку телефона.

– Заблоцкая, – ответила Алина.

– Подождите, – приказал он и кивнул на диванчик: – Присядьте пока.

– Ничего, я постою. – Алина расстегнула сумочку и достала паспорт. – Вот мои документы.

Старик, прижимая одной рукой трубку к уху, другой взял ее паспорт и раскрыл его на первой странице. Затем скользнул по ее лицу взглядом, снова посмотрел на фотографию и молча вернул паспорт.

– Занято, – сказал он, положив трубку на рычаг, и более настойчиво предложил: – Посидите пока на диване.

– Привет! – раздался за ее спиной знакомый голос. – Вы чего здесь топчетесь? Степаныч не пропускает?

Алина оглянулась. За ее спиной объявился Артем Полуянов. Сегодня он был в матросских клешах и в тельняшке, а в руках держал бескозырку.

– Здравствуйте, Артем. – Она пожала протянутую ей руку. – Вот к Карнаухову не могу попасть.

– Пропусти ее, Степаныч. – Полуянов подошел и встал рядом с ней. – Это же Алина Заблоцкая. Звезда российской сцены. В нашем театре будет играть.

– А я почему знаю, кто тут звезда? – проворчал вахтер. – Мне не докладывали. А Роза Артуровна третьего дня меня отчитала, что я без пропусков пускаю. Если разрешит, я хоть кого пропускать буду. А не разрешит, будете проходить на общих основаниях. Я из-за вас службы лишаться не хочу.

– Формалист ты и бюрократ, Степаныч, – рассердился Полуянов и виновато посмотрел на Алину. – Он у нас пожарным раньше служил, а теперь в вахтеры подался. Денно и ночью стоит на страже рубежей. Муха не пролетит без пропуска.

– А ты, милочка, не обзывайся, не оскорбляй старика! Вам разгильдяйство, а мне эта работа не лишняя. Ты небось о пенсии еще не думаешь, а знал бы, каково на две тыщи жить? – Старик покраснел от негодования и вдруг махнул рукой: – А, проходите, бог с вами.

– Я подожду, – тихо сказала Алина, – зачем вам неприятности из-за меня?

– Я кому сказал, проходи! – неожиданно гаркнул старик. – Тут сквозняки, а ты, гляжу, уже от холода посинела совсем. Звезда!

– Пойдем, пойдем, – потянул ее за руку Артем, – а то передумает!

– Спасибо, – улыбнулась Алина старику.

– Погоди, пропуск выпишу, – пробурчал Степаныч, – отметишься в приемной, а потом на выходе мне вернешь.

– Вернем, вернем, – радостно отозвался Артем. – А твоя доброта тебе отзовется, ты меня знаешь, Степаныч, только в день полочки...

– Иди уже, шалопут, – махнул рукой Степаныч, – знаю я про вашу доброту и полочку. На штаны не заработаете...

Они миновали уже знакомый длинный коридор и сцену, на которой кипела работа: рабочие монтировали декорации к вечернему спектаклю, – и стали подниматься по лестнице на второй этаж.

– Ну что, удалось вчера съездить в село? – спросила Алина.

– Удалось, – улыбнулся Артем. – В такой дыре побывали. У людей даже радио нет, не то что телевизоров. Уголь и дрова по домам собирали, чтобы печь в клубе протопить. Зато зал был битком набит, и принимали нас, как в день премьеры не принимают. В основном деды да бабки, молодежь вся разъехалась... И клуб ведь старенький, после войны всем миром строили, и зал

маленький, но атмосфера, скажу тебе... Пока туда добирались, устали до чертиков, замерзли, а увидели их глаза, и второе дыхание открылось! А после спектакля они столы накрыли. И закуски, и вино – все свое, домашнее! А песни какие пели! – Артем шмыгнул носом. – Леса кругом глухие, зимой, говорят, волки по улицам бегают. Школа не работает, некого учить, медпункт давно закрыт, не едут в эту глушь медики. А люди живут, держатся. И силы духа не потеряли! Летом нас приехать приглашали. Старики овацию устроили, салом накормили... А я, чего скрывать, там бы не выжил. Хаем дары цивилизации, а сами присели на нее, как нарк на иглу!

– Я тебе завидую, – вздохнула Алина, – послушала тебя, и так тоже захотелось куда-нибудь в глушь, подальше от забот и проблем. Только разве от них спрячешься? Настигнут и задавят!

– Трудно тебе будет, – мрачно сказал Артем. – Все в театре уже знают, что ты на работу приходила устраиваться. Новость намбер ван. По всем переулкам-закоулкам судачат. Косточки перемывают.

– Ты думаешь, мне это в диковинку? – Алина весело посмотрела на Артема. – Хуже, когда не замечают.

– Не скажи, наши примы о-очень возбудились. Джип на стоянке возле театра видела?

– Серебристый?

– Серебристый... Самый толстый кошелек Староковровска пожаловал. Серпухов. Пивной король. Карнаухова ломать приехал.

– Понятно. – Алина постаралась сделать вид, что это известие ее не задело. – Главный поклонник Мельпомены?

– Вернее, ее служанок, – скривился Полуянов, – хотя они себя служительницами называют. Только от перемены названия содержание не меняется.

– Понятно, – протянула Алина. – Ты намекаешь, что роли Джульетты мне не видать, как собственных ушей?

– Далась тебе эта роль! Свет на ней клином не сошелся. Сережа Марков, наш режиссер, сейчас за Грибоедова взялся, на «Маскарад» Лермонтова замахнулся. Талантливый, скажу тебе, парень. Работал пять лет в Перми. Карнаухов пригласил его в прошлом году «Мнимого больного» поставить, а он и вовсе к нам перебрался. Мы вчера о тебе говорили, так он, единственный, наверно, искренне обрадовался. Алина, говорит, Заблоцкая? С ней мы теперь горы свернем! Видишь? А ты говоришь, Джульетта! Пусть Верка Белова этой ролью подавится! А Серпухов, может, и впрямь денег на спектакль отвалит...

– Карнаухов большие ставки на «Джульетту» делает? – спросила Алина. – А труппа оправдает его ожидания?

– Посмотрим, – пожал плечами Полуянов. – От прежней труппы мало кто остался. Кто запил, кто вовремя уехал по другим театрам счастья искать. Энтузиазмом, сама понимаешь, сыт не будешь. В «Джульетте» актерам и актрисам несколько ролей приходится играть, а стражников, горожан, родню у нас студенты колледжа изображают. Есть среди них с пяток по-настоящему талантливых ребят. Карнаухов иногда берет их на роли второго плана. – Артем внезапно остановился и взял ее за руку. – Пстой!

Алина остановилась.

– Что случилось?

Полуянов вытер бескозыркой лицо.

– Главное, не принимай решений с кондачка! Как бы ни повернулся твой разговор с Карнауховым, не отказывайся от работы в театре. Ты нам нужна! Твой опыт, слава! Это теперь не только твое... Ты многое можешь... – Артем говорил сбивчиво, глотая окончания слов, и все сильнее сжимал ее ладонь. – Дай слово, что останешься в театре на любых условиях...

Алина освободила ладонь и покачала головой:

– Артем, я все понимаю... И я бы согласилась на любые предложения при одном условии: будь я одинокой. Но у меня трое детей, Артем! И я хочу, чтобы они жили достойно. Не шиковали, нет, но чтобы не заглядывались на мандарины в витрине, каждый день пили молоко, и чтобы у меня не болела голова, чем их накормить и во что одеть. Оказывается, невозможно заниматься творчеством, если знаешь, что твоему ребенку хочется кушать. Поэтому ни на какие условия, которые унижат меня, прежде всего, как человека, а потом уже как актрису, я не соглашусь. Даже ради возрождения театра, ради самых возвышенных идей... Повторяю, будь я свободна, будь я одна, как перст, я бы не думала ни секунды... Увы! – Алина развела руками и улыбнулась. – Прости меня, Артем! Речь не идет о баснословных гонорарах...

– Какие тут гонорары? – усмехнулся Полуянов. – Мы даже не областной, а уездный театрик...

– Ты забыл, что этот уездный театр хорошо знают в Москве, а когда-то на его спектакли слетались стаями театралы Курска, Липецка, Орла... А какие актеры у нас начинали?

– Па-а-аберегись! – неожиданно гаркнули басом над ее ухом.

И Алина отпрянула в сторону, уступая дорогу рабочим сцены, которые пронесли мимо них статую горниста из папье-маше.

Она проводила рабочих и статую взглядом. Рабочие были кто в чем, а ступни горниста изрядно объели мыши.

– Карнаухов пригласил художника из Волгограда специально для «Джульетты», ты, наверное, знаешь Протасова, его работу номинировали на «Золотую маску». Он делал декорации к «Королю Лиру»... – Артем вздохнул. – Так вот, Карнаухов заплатил Протасову за спектакль тысячу долларов. Вернее, Серпухов заплатил, поэтому Беловой отдали роль Джульетты. Чувешь, где здесь подводные камни?

– Чую. – Сердце Алины скатилось куда-то вниз, в область коленок. Конечно, она уже поняла, что Карнаухов давно не хозяин своему слову, и все-таки на что-то надеялась... Но лучше прояснить ситуацию заранее, чем получить удар по самолюбию в присутствии людей, которые с болезненным интересом будут наблюдать за ее реакцией и надеяться – ох, как они будут надеяться! – что тем самым выведут ее из равновесия.

«Ни за что! И никогда!» – Алина стиснула кулаки с такой силой, что ногти впились в ладони, но она сумела абсолютно безмятежно улыбнуться Артему.

– Спасибо, но я о чем-то подобном и сама догадывалась. Ты только подтвердил мои подозрения.

– У нас все на этом построено, – Артем нахмурился. – Только не думай, что я любитель сплетен. Просто я не хочу, чтобы всякое дерьмо помыкало тобой и диктовало тебе свои условия.

– Артем, ты меня плохо знаешь, – тихо сказала Алина. – Спасибо, конечно, за заботу и внимание, но я справлюсь. И никому не позволю помыкать собой! – Она пожала ему руку и, улыбнувшись, посмотрела ему в глаза: – Будет и на нашей улице праздник! Я тебе обещаю!

– Удачи тебе! – Он сжал ее ладонь и оглянулся. – Побегу, а то на репетицию опоздаю. «Максимку» для детей решили поставить. Между прочим, Белова и здесь в главной роли.

– С чем вас и поздравляю, – засмеялась Алина и помахала ему рукой. – Пока, артист, ни пуха тебе, ни пера! А я тоже побежала. Думаю, Карнаухов и Серпухов уже договорились!

– К черту! – отозвался Артем. – Как раз к раздаче пряников поспеешь!

Она и вправду успела. Вошла в приемную именно в тот момент, когда радостно оживленный директор пожимал руку пивному королю. Появление Алины вмиг разрушило эту идиллию. Лицо Карнаухова вытянулось, а глаза забежали.

– А-Алина Вадимовна? – произнес он растерянно. – А мы вас не ждали...

– Почему же вы меня не ждали? – произнесла она весело, направляясь к продолжавшим пожимать друг другу руки мужчинам. – Мы ведь, Геннадий Петрович, как раз вчера договорились о встрече. Или что-то изменилось за время нашей разлуки? Вот и Роза Артуровна, – Алина кивнула в сторону монументальной фигуры секретарши, застывшей возле окна с детской пластмассовой лейкой в руках, – в курсе, что вы пригласили меня для серьезного разговора.

Лицо Карнаухова пошло красными пятнами. Он перевел взгляд с Алины на Серпухова и жалобно улыбнулся:

– Вот, Юрий Борисович... Позвольте вас познакомить... Алина Заблоцкая... Алина Вадимовна... Звезда сцены... Звезда московской сцены... так сказать...

– А почему же «так сказать»? – Алина забросила на плечо свисавший прежде край палантина и перевела взгляд на Серпухова. «Длинноносый, глазки маленькие и... три подбородка. Брр! Мерзкий тип!» – все это пронеслось у нее в голове, но вслух она произнесла другое, включив свою самую очаровательную улыбку: – Юрий Борисович, видно, не в курсе, что я намерена работать в вашем театре, Геннадий Петрович?

Брови Серпухова поползли вверх. Он выдернул свою руку из ладоней Карнаухова и брезгливо вытер пальцы белоснежным платочком, затем небрежно затолкал его в карман пиджака и весьма любезно улыбнулся Алине.

– Наслышан, наслышан. – И, ловко подхватив ее под локоток, провел в кабинет директора. – Про работу в нашем театре, каюсь, не знал, но исправлюсь, сей же миг исправлюсь. – И посмотрел на Карнаухова, оставшегося за дверью. – Изволь, Геннадий Петрович, заказать в ресторане что-нибудь приличное. Коньяк, фрукты... Короче, сам знаешь! За мой счет, естественно! Мы обязательно должны выпить за столь приятное знакомство.

Он склонил голову, коснулся губами руки Алины и, вывернув шею, снизу вверх посмотрел на нее.

– На улице безобразие! Дождь, ветер, слякоть, словом, полное дерьмо с самого утра, а тут вдруг на пороге этого гадючника такая прелесть! И на душе словно солнышко взошло.

– А вы лирик! – Алина мило улыбнулась и с некоторым усилием, но освободила свою ладонь из цепких пальцев пивного короля. – Я бы попросила вас не беспокоиться. У меня вопрос к Геннадию Петровичу. – Она перевела взгляд на Карнаухова, который, схватив в охапку кожаный плащ, при этих словах Алины застыл на пороге. – Геннадий Петрович, – произнесла она строго, – никаких заказов. Я столь рано не пью и совсем недавно завтракала. Поэтому возвращайтесь в свой кабинет. А с Юрием Борисовичем мы любезно попросаемся. Скорее всего, его ждут не дождутся в офисе.

– С чего вы взяли, что я спешу? – неподдельно удивился Серпухов. – Работа не волк, в лес не убежит.

– Вы хотите сказать, что будете присутствовать при нашем разговоре? – Алина окинула его надменным взглядом. – Но я хочу поговорить с Геннадием Петровичем один на один. Это мое право.

– Что вы, что вы! Я ни в коей мере не посягаю на ваше право, но хочу попросить вас об одолжении. – Серпухов прижал руку к сердцу. – Я – давний друг театра и знаю этого хитреца, как облупленного, – он посмотрел на Карнаухова, который терпеливо дожидался конца разговора. – Только бдительность потеряешь, тотчас всех актеров и актрис на голодный паек посадит.

– Актер должен быть злым и голодным, – огрызнулся Карнаухов. – Сытый актер поживает на лаврах и быстро превращается в наглого, самодовольного кота или кошку.

Алина хмыкнула про себя. В чем-то Карнаухов был, несомненно, прав. Сколько она знала подобных «котов» и «кошек»! Солидный достаток, признание зрителей, восторги в прессе –

все это успокаивает и притупляет энтузиазм. Талант впадает в дрему, и хорошо, если не в летаргический сон...

– Только своим актерам такого не говори, – добродушно рассмеялся Серпухов, – порвут тебя, как Тузик грелку!

– Говори, не говори, – вздохнул Карнауков, – от разговоров в кассе денег не прибавится! – Он посмотрел на Серпухова. – Так заказывать или нет?

Серпухов расплылся в улыбке.

– Желание дамы для нас закон. – И перевел взгляд на Алину. – Надеюсь, Алина Вадимовна не откажет верному рабу Мельпомены. Я приглашаю вас на ужин сегодня. Думаю, нам стоит обсудить кое-какие театральные проблемы. Вы не возражаете?

– Я пока не в курсе местных театральных проблем, – Алина посмотрела на Карнаукова, – но боюсь, что они скоро появятся лично у меня.

– На что вы намекаете? – поразился Карнауков. – Мы же обо всем договорились?

– Но я знаю, что возникло недовольство по поводу вашего решения, – сказала Алина. – Я не хочу стать яблоком раздора с первых дней работы в вашем театре.

Карнауков покраснел и развел руками.

– Сами понимаете, так все было неожиданно, – он покосился на Серпухова, – давайте поговорим об этом позже.

– А вы так и не ответили мне, Алина Вадимовна, – прервал их диалог Серпухов, – насчет того, чтобы вместе поужинать сегодня вечером.

– Как я понимаю, в этих стенах не принято вам отказывать. И я не отказываюсь, но давайте в другой раз, – вежливо улыбнулась Алина и села в кресло возле окна.

– Ох, а вы, оказывается, упрямая женщина. Знаете себе цену?

– Знаю, но не завишаю ее. – Алина вновь перевела взгляд на Карнаукова. – Я не претендую на роль Джульетты по той причине, что не хочу осложнять себе жизнь.

– Но почему же? – снова вклинился Серпухов, который явно не привык видеть себя в роли пассивного наблюдателя. – Я слышал, что роль Джульетты вас прославила? Поделитесь вашей славой и с нашим городом.

Алина холодно посмотрела на него.

– Я польщена, что вы в курсе театральных новостей, но повторяю, я не собираюсь осложнять свою жизнь конфликтами с актерами театра, в котором собираюсь работать.

– О боже! – воздел руки к небу Серпухов. – Какие мелочи! – И обратил свой взор на Карнаукова, который, так и не вернув плащ в шкаф, присел на краешек стула. – Геннадий Петрович? В чем проблемы?

– Будто вы не знаете, Юрий Борисович, Вероника...

– Что Вероника? – На пороге возникла хрупкая, небольшого роста женщина в тельняшке и широких холщовых штанах. В руках она держала курчавый парик, а по остаткам темного грима на лице Алина поняла, что это и есть актриса Белова, которая только что вышла из образа негритенка Максимки.

Актриса решительно прошла в кабинет, опустилась в кресло рядом с Алиной, но не удостоила ее взглядом.

«Все, начинается!» – подумала та и внутренне подобралась.

– Что здесь происходит? – требовательно произнесла Белова и обвела подозрительным взглядом растерянного Карнаукова и спокойно на нее взиравшего Серпухова. – Что вы здесь решаете?

– Вероника, ты только не волнуйся, – Карнауков отбросил плащ на соседний стул и потянулся за пачкой сигарет, – сама понимаешь, театр выживает как может...

– Только не за мой счет! – Белова резко поднялась с кресла. – Роль Джульетты я не отдам, сколько сил и нервов на нее потрачено... Вы что, не понимаете? Это же позор! В последний

момент актрису отстранили от роли! Это подло! Бесчеловечно! И чем, скажите, я хуже этой драной кошки? – Она с ненавистью посмотрела на Алину. – Только потому, что она играла в Москве? А вы видели ее игру? Я спрашиваю, вы видели? Вы что, не понимаете, там пресса была на ее стороне, телевидение... Муженек заплатил кучу баксов, и она вмиг стала звездой!

– Вероника, – угрожающе сказал Серпухов, – прекрати истерику! Алина Вадимовна только что отказалась от этой роли!

– Ага! Как же! Отказалась! – взвизгнула Вероника. – Вам, главное, чтобы зритель в театр повалил! Вам имя требуется! И вообще... – Она окинула Серпухова сердитым взглядом. – Ты-то с какой стати здесь? На свежее потянуло? На московскую звезду? Так я тебе такой звездечко устрою, небо с овчинку покажется!

– Вероника! – произнес угрожающе Серпухов и тоже поднялся из кресла. – Не забывайся!

– Что не забывайся! – Вероника сжала кулаки. – Прикажешь руки тебе лизать за то, что деньги на спектакль дал! Вот я где твои деньги видела! – Вероника изобразила непристойный жест. – Засунь их себе в одно место!

– Выйди вон! – с расстановкой произнес Серпухов.

И Вероника вдруг закрыла глаза руками и опустила в кресло. Казалось, весь боевой задор вышел из нее, как воздух из дырявого шарика.

– Господа! – Алина встала и обвела всех взглядом. – Я, по-моему, ясно сказала, что не хочу быть причиной конфликтов. – И посмотрела на Белову, которая тихо всхлипывала в своем кресле. – Вероника, успокойтесь, мне не нужна ваша роль.

Та всхлипнула громче, но рук от лица не отняла.

Серпухов подошел к ней, схватил за руку и рывком поднял из кресла.

– Пошли! – процедил он сквозь зубы. – Поговорим в машине!

Вероника с зареванным, в грязных потеках лицом испуганно уставилась на него.

– Юра! Юрий Борисович... Я ведь расстроилась... – залепетала она, стараясь освободить свою руку из его пальцев.

– Пошли! – уже угрожающе повторил Серпухов. – Я тебе покажу звездечко...

– Прекратите! – поморщилась Алина. – Что за мерзости вы здесь развели? – Она встала с кресла, подошла к Карнаухову и сверху вниз посмотрела на него. – Признаю свою ошибку, Геннадий Петрович! Кажется, я не смогу играть в вашем театре. Какую бы роль вы мне ни предложили, это сразу станет источником обид и подобных истерик. Увольте меня от скандалов!

Она направилась к двери, но Серпухов, оттолкнув Веронику, в два шага настиг ее.

– Алина Вадимовна, – он попытался взять ее за руку, но Алина отвела ее за спину, – не рубите плеча! Все, что здесь происходит, выеденного яйца не стоит! Гена, – он посмотрел на Карнаухова, – мигом за коньяком, будем по новой мосты наводить.

Алина бросила беглый взгляд на Белову. Та смотрела на нее с болезненно-жадным любопытством.

– Не стоит меня уговаривать, Юрий Борисович, – Алина презрительно усмехнулась. – Я ведь не та панацея, что вылечит театр. Нужны деньги, и большие, чтобы поднять его с коленей. Я это сделать не в состоянии. А вселять напрасные надежды не мое призвание...

Серпухов, похоже, растерялся.

– А как же ужин? – Он неожиданно робко улыбнулся. – Мы могли бы в деталях обсудить...

– Я думаю, что уже назрел повод обсудить кое с кем детали, – она кивнула в сторону Беловой, – а меня увольте. У меня другие планы и на сегодняшний вечер, и на все последующие.

И, не попрощавшись, вышла из кабинета.

– Сука! – последнее, что она услышала, прежде чем дверь захлопнулась за ее спиной. Но не поняла, относилось ли это к ней или Серпухов разразился бранью в адрес своей зареванной

любовницы. Впрочем, Алину это мало взволновало. Она была в ярости и знала – если вернется в кабинет, то его обитателям мало не покажется.

Глава 13

Не помня себя от бешенства, она промчалась сквозь мрачные театральные лабиринты, не замедляя шаг, пролетела мимо вахтера, отметив краем глаза, что на диванчике сидят несколько человек. Они разом поднялись при ее появлении.

– Пропуск! – подал голос вахтер, но она уже захлопнула за собой дверь.

На улице потеплело. Дождь прекратился, стихли резкие порывы ветра, даже солнце проглянуло сквозь поредевшую пелену облаков. Крышу ее «Жигулей» покрывал тонкий слой облепшей листвы. Она рывком открыла дверцу и тут услышала голос Артема.

– Алина Вадимовна! – окликнул он ее с крыльца.

Алина оглянулась. Полуянов поспешил к ней.

– Что случилось? – спросил он встревоженно. – Белова постаралась?

– При чем тут Белова? – буркнула Алина. – Просто я поняла, что в вашем театре мне делать нечего!

– Вы с ума сошли? – Полуянов побледнел. – Мы такие надежды на вас возлагали. – Он оглянулся на крыльцо. – Вас телевизионщики ждут... У нас сегодня прогон «Максимки». Они как узнали, что вы здесь...

– Только телевидения мне не хватало! – сухо сказала Алина. – Передайте им: никаких интервью!

– Понял! – погрузнел Полуянов. – Веское слово вставил наш пивной бочонок?

– Серпухов здесь ни при чем! Просто я кое-что забыла! – Она протянула ему руку. – Спасибо, Артем, за добрые слова и участие, но пусть ваш театр идет своей дорогой, а я своей! – Тут она заметила, что на крыльце показались два человека: девушка с микрофоном и кудлатый молодой человек с видеокамерой в одной руке и треногой – в другой.

«А, чтоб тебя!» – выругалась про себя Алина, а вслух произнесла:

– Все, пока, Артем! Дай бог, еще встретимся! – и нырнула в «Жигули».

– Жаль! – пробормотал Артем, провожая взглядом рванувшуюся с места машину. Слепившие с ее крыши листья закружились вихрем у его ног. – Жаль! – повторил актер и сделал отмашку телевизионщикам. – Все, ребята, отбой! Смывась наша звезда!

* * *

– Дура! Дура! – вцепившись в руль «Жигулей», повторяла она сквозь зубы. – И чего на рожон полезла? Сдалась тебе эта Джульетта? – Она застонала и помотала головой, чтобы избавиться от неприятных ощущений. Что она скажет тетке, Лиде, Полине, наконец? Что она повела себя как тупица и лишилась последнего шанса получить работу? Как теперь жить? На что надеяться?

Она нажала на тормоз, прикидывая, как лучше выехать на проезжую часть: по улице на удивление плотным потоком двигались автомобили. Наконец такая возможность появилась, она повернула руль, но проехала пару метров, не больше. Мотор вдруг чихнул и заглох. И ее «Жигули» застыли, преградив дорогу рванувшемуся от светофора стаду автомобилей. Водители их сигналили, красноречиво крутили пальцами у виска. Она нервно дергала за рычаги передач, выжимала сцепление, мотор еще пару раз чихнул, и в салоне завоняло бензином.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.